

АЛЕКСАНДР ТЕСТОВ
ТАТЬЯНА СМЕРНОВА

СМЕРТЬ
НА ДВОИХ

Большой Приз

Александр Тестов

Смерть на двоих

«Автор»

2011

Тестов А.

Смерть на двоих / А. Тестов — «Автор», 2011 — (Большой Приз)

Как ни странно, они еще живы. Но им этого мало... Настя и Яков вновь на острие атаки, в центре интриг и бурлящих событий. На сей раз они вовлечены в кровавую карусель английской революции семнадцатого века.

© Тестов А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Тестов, Татьяна Смирнова

Смерть на двоих

*«Моей любви да не коснется тень.
Не омрачит чела ее страданье.
Пусть только благ проходит всякий день
Об руку с ней под кровлей мирозданья.
Моей любви небесная краса:
В ней свято все – и вера, и неверье.
Она ведет сквозь ад и небеса,
Как Беатриче Данте Алигьери».*

Глава 1

Странная это была свадьба. В маленькой церкви на окраине Уэрствуда, где по воскресениям яблоку негде упасть, сейчас было почти пусто. Длинные ряды пустых скамеек светлели в полумраке. Лишь в первых рядах сидело человек десять. В основном старшие Бэрты и их многочисленные отпрыски, да у дальней стены жались пара нищих, которые забрели на свадьбу в надежде на подаяние. Торжественная музыка металась под высокими сводами, как птица, попавшая в западню, толкалась в высокие окна и не могла вырваться.

Ирис подумала, что вполне понимает птицу-музыку, и сама с большим удовольствием сбежала бы, да не может. Она, к сожалению, не птица. Впрочем, музыка – тоже не птица. Рожденная на земле, она так и не смогла превозмочь земного притяжения и, пометавшись, затихла. Умерла? Уснула? Затаилась?

Дети переглядывались почти испуганно. Праздничные костюмы сковывали, заставляли сидеть неестественно прямо, сложив руки на коленях, а младшие Бэрты этого просто не умели. Миссис Бэрт держалась так чопорно, словно была по меньшей мере вдовствующей королевой, а не супругой окружного судьи. Впрочем, судья в Уэрствуде считался важной персоной, так что ничего удивительного, что Пруденс так пыжилась. Ее блеклые губы, сжатые в ниточку, казалось, говорили: «Вот теперь-то мы им всем покажем!». Кому и что собралась «показать» миссис Бэрт? Супруг ее был печален и строг, словно только что утвердил обвинительный приговор, а не выдал замуж старшую дочь, причем, крайне удачно.

Алтарь, убранный свежими и уже почти последними цветами, священник в парадном облачении, раскрытая книга и эта странная пустота вокруг навевали почти непреодолимую тоску пополам с досадой. Ирис вздохнула и украдкой огляделась по сторонам, ища, чем бы отвлечься.

– Этьенн, – голос священника ворвался в ее путанные мысли, и она невольно повернула голову к алтарю. – По собственной ли воле, без принуждения, берешь ты в жены присутствующую здесь Кэтрин?

Ирис перевела взгляд с подруги на человека, стоявшего рядом с ней. При всем желании в женихе Кэт нельзя было найти никакого изъяна. Разве что возраст. Да, возраст. Барон де Сервьер был почти вдвое старше Кэти. И пусть он высок, широкоплеч, прекрасно сложен, пусть его парижский костюм безупречен и черты лица правильны, в волосах нет седины, а зубы сверкают белизной и, на первый взгляд, все целы... по крайней мере те, которые видны... Но он же в отцы ей годится!

– Да, – произнес барон низким приятным голосом. Он стоял, гордо вздернув подбородок, и на окружающее его убожество смотрел так, словно все это не имело никакого значения. Это, пожалуй, единственное, что в нем нравилось Ирис.

– Кэтрин, – продолжал священник, – по собственной ли воле, без принуждения, берешь ты в мужа присутствующего здесь Этьенна?

– Да! – отозвалась тоненькая девушка в простом белом платье и венке из флердоранжа. Голос ее прозвучал тоже тонко, но неожиданно твердо. Ирис невольно улыбнулась. Своенравная Кэти никогда ни с кем не спорила. Она внимательно выслушивала чужое мнение, вежливо благодарила за ценный совет, уверяла, что обдумает его, и поступала по-своему.

Свое свадебное платье она сшила сама. За два дня и две бессонные ночи.

Французский дворянин встретил дочь судьи Бэрта на благотворительном балу. Кэти продавала цветы в пользу бедных. Она подошла к блистательному аристократу, присела в неглубоком реверансе, улыбнулась. Гость с большим знанием дела выбрал цветы и спросил цену. Стрельнув глазами по руке господина с массивным золотым перстнем, Кэти дерзко сказала: «Десять фунтов». Хозяйка бала нахмурилась. Гости переглянулись. Юная кареглазая цветочница выжидающе смотрела в синие холодные глаза французского барона. Он невозмутимо достал кошелек и отсчитал несколько английских купюр¹.

– Как вас зовут? – спросил гость.

– Кэтрин, – ответила девушка и невольно отвела глаза. Шутка зашла слишком далеко. За десять фунтов можно было купить пару коров, лодку с парусом... много чего.

В тот вечер барон не подошел к ней и не сказал ни слова. Казалось, маленькое происшествие забылось. Возможно, огромная сумма была для него сущей мелочью. Поэтому Кэтрин несказанно удивилась, когда, несколько дней спустя, к дверям их небольшого домика подъехал экипаж, и не наемный, а из усадьбы виконта Ченнефилда, и на узкую дорожку, посыпанную гравием, сошел барон де Сервьер.

Он уже не был юношей, и внезапно вспыхнувшая страсть насторожила отца Кэти. Но гость поспешил его успокоить.

– Я не имею в виду ничего предосудительного. Я предлагаю вашей дочери честный и законный брак.

Пруденс Бэрт мужчины не приглашали. Она пригласила себя сама. Просто внесла на подносе вино и печенье и осталась. Разговор сразу стал деловым.

– У меня есть поместье на юге Франции. Оно не родовое, я – младший сын, но достаточно богат. К тому, что выделил мне отец, я присовокупил то, что сам приобрел в колониях. Поместье довольно большое, и дает хороший годовой доход. Ваша дочь будет прекрасно обеспечена. Кроме того, титул баронессы откроет ей двери в высшее общество.

Пруденс можно было брать голыми руками.

– Я только немного тревожусь, – произнесла она, тщательно подбирая слова. – Ваша милость, должно быть, католик?

– Отнюдь, – возразил граф, – у нас в Беарне почти нет католиков. Я принадлежу к той же церкви, что и вы, если это вас тревожит.

– У меня и в мыслях не было сердить вашу милость, – торопливо заверила Пруденс, – но ваше предложение так неожиданно...

Внезапно гость рассмеялся. До этого мгновения Бэрты и не подозревали, что эти надменные губы знакомы с улыбкой.

– Для вас – возможно. Но не для мисс Бэрт. Уверяю вас, она отлично знает, зачем я здесь. И ответ ее давно готов.

¹ Авторам известно, что бумажные деньги появились в Англии несколько позже, но поскольку события, описанные в романе, не претендуют на достоверность, авторы просят читателей не обращать внимания на допущенную вольность в изложении исторических фактов.

Он был прав. Кэти ждала. Ждала с того мига, как увидела синие холодные глаза незнакомца и услышала его низкий голос. Аристократ из чужой страны заморозил девушку. И она сказала «да», кажется, раньше, чем ее спросили.

Соседей эта скороспелая свадьба возмутила до глубины души. Еще бы! Господин случай вознес маленькую Кэти на такую высоту, куда ни один из них и взглянуть не смел, не рискуя сломать шею. Миссис Бэрт пригласила всю округу. Но приняли приглашение лишь двое: близкая подруга Кэти, Ирис Нортон, и ее верная тень – граф Джордж Эльсвик.

– А теперь, в знак вашей любви и верности, обменяйтесь кольцами.

Даже отсюда, со скамей, было видно, что Кэт очень волнуется. Она едва справилась со своей задачей, крепко веря, что уронить кольцо – дурная примета. А барон бесстрастно взял ладонь Кэти и надел на палец невесты толстое золотое кольцо с огромным бриллиантом. Пруденс Бэрт, не удержавшись, толкнула супруга в бок локтем, а Ирис с замершим сердцем увидела, как изумилась подруга. Не слишком весело изумилась. Нелепое украшение тянуло ее тонкую руку вниз, как камень на дно.

– Дорогая, нам нужно поговорить, – шепнул Джордж.

Ирис с едва слышным вздохом повернулась к нему. Молодой граф был убийственно серьезен.

– Хорошо, – кивнула Ирис, покоряясь неизбежному, – приезжайте к ужину в Нортон-хаус. Отец будет рад.

– А вы?

В этот момент один из юных Бэртов, кажется, Джереми, Ирис никогда не умела различать близнецов, вскочил, едва не наступив ей на ногу, и энергично подтолкнул брата к выходу. Церемония наконец закончилась. Барон и баронесса де Сервьер покидали церковь. Ирис подошла, чтобы поцеловать подругу. Кэт светилась и очень нервничала. Ирис взяла ее за руку, пытаясь немного успокоить и ободрить, и вдруг почувствовала, что Кэти разжала пальцы и в ее ладони оказалась туго скрученная записка. Ирис подняла глаза. Подруга молчала, улыбалась и, казалось, была слегка не в себе.

Едва оказавшись на улице, Ирис торопливо развернула записку Кэти.

«Оставайся на ужин, умоляю!!!» – три восклицательных знака в конце единственной фразы были достаточно красноречивы.

Она подняла голову. Молодые садились в экипаж. Барон поддержал жену. Кэти бросила взгляд на подругу. Карие глаза кричали, умоляли, требовали. Ирис торопливо кивнула. Дверца экипажа захлопнулась. Кэт пропала.

Некоторое время Ирис с растерянной улыбкой наблюдала, как штурмуют второй экипаж младшие Бэрты, а Пруденс пытается рассадить их, читая очередную проповедь... Джордж Эльсвик не уезжал.

Он подошел к ней.

– Вы так и не ответили на мой вопрос.

– Какой вопрос? – удивилась Ирис, ее мысли были заняты странной запиской и кричащими глазами Кэти, и она совершенно забыла о разговоре с женихом.

Джордж тяжело вздохнул. В последнее время у него появилась дурная привычка тяжело вздыхать при всяком удобном случае.

– Вы помните, как Кэти провожала нас в путешествие, которое должно было стать свадебным? – заговорил он вдруг, – и желала счастья. И вот она уже замужем, а вы все еще не дали мне ответа – когда же наша свадьба. Один раз я уже спросил вас об этом, помните? Это было на золотом острове. Вы сказали, что не можете ответить. «Подождите до вечера, Джордж», – сказали вы. Я жду. Жду почти год. Какой вечер вы имели в виду, Ирис?

– Не сегодняшний, – коротко ответила она. – Простите меня, Джордж, – продолжила девушка после недолгого молчания, – я не хотела вам грубить. Но сегодня свадьба моей самой близкой подруги, а потом Кэтрин уедет во Францию, и мы расстанемся навсегда. Я расстроена.

– Когда речь заходит о нашей свадьбе, вы всегда либо расстроены, либо встревожены. Тогда Харди Мак-Кент, сейчас – Кэти. Я начинаю думать, что являюсь единственной причиной вашего плохого настроения. Бога ради, Ирис, скажите, что это не так?

– Ну, разумеется, нет, – торопливо проговорила Ирис и мягко улыбнулась Эльсвику, – не выдумывайте. Мы – хорошие друзья, и я очень ценю вашу дружбу. Тем более сейчас, когда кроме вас у меня, в общем, никого не осталось.

Граф, волнуясь, шагнул к ней, но невеста отстранилась.

– Простите меня, Джордж. Я сейчас действительно не в том настроении. Кэти просила меня обязательно быть на ее ужине, и я, право, не вижу причины, чтобы ей отказать.

– Чтобы отказать мне, вам, как правило, даже причина не нужна, – бросил Джордж Эльсвик так тихо, что Ирис не расслышала. Впрочем, она и не прислушивалась. Нехотя граф признался самому себе, что девушка, похоже, не в настроении, и не столько расстроена, сколько озадачена. Внезапно он осознал, что и одета Ирис совсем не празднично. Синее шелковое платье было безупречно элегантно, и очень шло к ее светлым волосам, убранным в высокую прическу, но Эльсвик помнил, что этот цвет не нравился Ирис. Когда мисс Нортон была в хорошем настроении, она одевала серое. Джордж Эльсвик испытал настоящий шок, когда сообразил, что за весь прошедший год он ни разу не видел Ирис в сером. Собственный парадный костюм показался ему насмешкой.

– До свидания, Джордж. Спасибо, что не бросили меня сегодня. Я вам бесконечно благодарна. – Еще одна мягкая улыбка, несколько слов кучеру экипажа, и Ирис Нортон пропала с глаз Эльсвика. К сожалению, только с глаз. Удалить ее из сердца он не мог при всем желании.

* * *

Низкое серое небо, заштрихованное мелким дождем, висело над острой черепичной крышей Нортон-хауса. Скрипнули ворота. Во дворе громко и гулко, но не зло, а просто «по долгу службы» залаяли две большие лохматые собаки. Ирис услышала стук копыт, а в следующее мгновение сразу два огонька зажглись и направились к воротам. Девушка надвинула капюшон... С одним фонарем был дворецкий – Джефри, этот по долгу службы обязан был встречать гостей. Но вот второй фонарь горел в руках...

– Отец, – беззвучно прошептали губы девушки, – отец...

Фонари на секунду осветили всадника. Ирис показалось, что он держится в седле неровно. Вот отец что-то сказал, указав рукой в сторону. Незнакомец устало кивнул с высоты седла... Жаль далековато, она не слышала их слов. Дворецкий, ухватив лошадь за узду, стремительно направился в конюшню. Нортон, высоко поднял свой фонарь, осмотрелся... и зашагал следом за гостем.

Волна любопытства захлестнула девушку, и она не смогла с собой совладать. Быстро пробежав вдоль дома, она замерла у ворот конюшни. Заглянула – темно. И когда они успели погасить фонари?

– Ну? – торопливо спросил отец.

– *Laatste avondmaal*², – ответил незнакомец. Ирис нахмурила брови, пытаясь уловить знакомые нотки – немецкий? – Помогите... – повторил тот же голос по-английски, но с заметным акцентом.

² Тайная вечеря. (голл.)

– Боже, – приглушенно воскликнул Нортон, – сударь, да вы ранены. Джефри, помощи... Сейчас, мы вас, сударь, снимем с седла...

Послышался стон и сдержанное кряхтение...

– Благодарю...

– Джефри... сюда... так, хорошо...

– Вы напрасно погасили свет, – нервно изрек незнакомец, – мне нужно... передать geheim³...

– Понимаю, – ответил отец.

Ирис от напряжения практически перестала дышать...

– От этого зависит leven⁴... известных вам людей... leven...

– Да, да, конечно, – затараторил банкир, – я все прекрасно понимаю. Гдепись... – Нортон осекся. – Джефри! Немедленно ступайте в дом и принесите горячей воды и чистые полотенца. Господина Мит... этого господина следует перевязать...

– Leven...

– Ступай же скорей, – поторопил Нортон, – не видишь, он уже бредит.

Дворецкий так стремительно кинулся к воротам, что Ирис не успела отпрянуть.

– Мисс?! – удивленно раскрыл рот Джефри.

– Тсс, – Ирис приложила палец к губам. – Тише, Джефри, умоляю. Я здесь случайно. Искала... м... я искала отца. Он там? В конюшне?

Старая закалка и английская сдержанность мгновенно возобладали в голове дворецкого.

– Мисс Нортон, ваш отец просил его не беспокоить. Он позже зайдет к вам. А теперь же он настоятельно просил меня проводить вас в дом.

– Но...

– Настоятельно просил...

– Я только хотела...

– Тише, – в свою очередь дворецкий приложил палец к губам, – тише. Если услышит ваш батюшка, я думаю, ему не очень понравится, что вы по ночам бродите одна по двору. Вы посмотрите, какой дождь... какая сырость. Вы желаете заболеть?

«Ну надо же, сколько доводов сразу, – мысленно негодовала Ирис и сделала один единственный вывод: – мне тут не рады».

– Хорошо, Джефри, – повелительно кивнула она головой, – я разрешаю вам проводить меня.

– Вот и славно, миссис Нортон, вот и славно...

В сопровождении Джефри Ирис пересекла двор, почти не обращая внимания на острые, холодные капли дождя. В вестибюле, сбросив шелковый плащ на руки слуге, она жестом отослала его прочь и сама взяла свечу. Тут же удалился и дворецкий, убедившись, что госпожа поднимается к себе.

Девушка пребывала «в растрепанных чувствах». Во-первых, это странное происшествие во дворе. Во-вторых, записка Кэти, которая все еще покоилась за манжетой. Ирис была уверена, что приглашение Кэти – не что иное, как желание поболтать по-девичьи о предстоящей семейной жизни, может быть, желание поделиться какими-нибудь подробностями, не предназначенными для ушей матушки Бэрт. Но все оказалось немного иначе...

³ Тайный. (голл.)

⁴ Жизнь (голл.).

* * *

В разгар ужина Ирис перехватила взгляд подружки и подметила торопливый знак рукой в сторону веранды. Она кивнула и, поспешив отделаться от соседа по столу, пожилого полковника, какого-то дальнего родственника судьи, вышла в двери для прислуги. Большой, но несколько бестолковый дом Бэртов Ирис отлично знала, и бывала там не раз. Сколько упоительных часов они с Кэти провели здесь, бродя по плохо освещенным лестницам и чередой проходных комнат. Дверь на веранду была заперта. Но Ирис знала и этот секрет. Она пошарила ладонью за притолокой – ключ был там. Открыв дверь, она неслышно проскользнула в темную комнату. Буквально через минуту послышался шорох платья.

– Ты здесь? – позвала Кэти.

– Нет, я на луне, пью чай с зайцем. А тут моя тень, – плоско состригла Ирис. – Что у тебя случилось, подружка? Что, кроме свадьбы?

Перед тем как ответить, Кэтрин плотно прикрыла за собой дверь.

– А ты никому-никому не скажешь? – Подружка на ощупь обошла мебель и пристроилась на узком диванчике рядом с Ирис. Свечи она зажигать не стала.

– Господи, что еще за тайны мадридского двора!

– Этьенн... Ты знаешь... мне кажется, он не тот, за кого себя выдает, – шепотом выпалила Кэти и замолчала.

– Что заставило тебя сделать такой вывод? – спросила Ирис, по опыту зная, что Кэти, в отличие от своей пустоголовой маменьки, не склонна к фантазиям.

– Много чего. Например, он не говорит о своей семье, о родителях. А когда я спросила, отшутился. И так, как-то совершенно не смешно. Вроде того, что его в капусте нашли.

– Может быть, он просто не ладит с семьей?

– Может быть. Но дом-то родной чем его обидел? Он ничего не захотел мне рассказать ни о доме, ни о своем детстве, ни о том, был ли он женат, он ведь уже немолод.

– И... что ты об этом думаешь? – спустя полминуты спросила Ирис.

– Не знаю, что и думать, – вздохнула Кэт, – деньги у него самые настоящие, и я сомневаюсь, что он их украл. Уж больно спокойно тратит.

– Если и украл, то не здесь, – кивнула Ирис, – он же сам сказал, что нажил состояние в колониях. А если украл в колониях, то это как будто и вовсе не крал.

– Ну да, если тебя не догнали, не отобрали и не выписали горячих, значит – честная коммерция, – согласилась Кэти, – но, сдаётся мне, от кого-то он скрывается.

– Об этом он тебе тоже ничего не говорил? Даже не намекал? – Кэт покачала головой.

– Может быть, завтра утром скажет.

– Или тогда, когда сообщишь ему, что он будет отцом, – вздохнула Ирис.

– Ну, за этим дело не станет. Среди Бэртов никогда пустоцветов не бывало. Но все же, если он не барон, не Соврези, тогда...

– Законна ли твоя свадьба? – догадалась Ирис. – Думаю, да. Вас же обвенчали. Сомневаюсь, что Бог может кого-нибудь из своих детей с кем-то перепутать или не узнать. Если тебя волнует только это, мне кажется, ты можешь быть спокойна.

– Спасибо, я хотела сказать не об этом... – Кэтрин как-то странно замаялась. Ирис терпеливо ждала, но ее ожидание затягивалось, грозя обернуться вечным.

– Кэти, – слегка подтолкнула она.

– Ты только не подумай, что я лезу в твою жизнь... Я никогда не спрашивала тебя, почему вы с Джорджем Эльсвиком так и не поженились...

– И не спрашивай, – с нажимом сказала Ирис.

– Но как я могу! – воскликнула Кэти, забыв о том, что нужно соблюдать тишину. В ее голосе зазвенело что-то, подозрительно похожее на слезы, – сама подумай, сначала вы не женились, ведь для этого должна быть какая-то причина...

– Причина есть, – коротко подтвердила Ирис.

– А потом Этьенн вдруг спрашивает о тебе...

– А он спрашивал? – безмерно удивилась подруга.

– Да, и настойчиво. Скажи, ты... вы не встречались там... на Карибах? – Кэтрин замерла, стиснув пальцы так, что они побелели.

– О Господи! Я все думала, чего мне не хватает для полноты жизни. Оказалось – ссоры с тобой из-за мужчины, которого я впервые увидела на твоей свадьбе.

– Можешь поклясться?

– Чтоб мне все волосы потерять!

– Тогда почему же он спрашивал о тебе? – растерянно проговорила Кэти.

– Понятия не имею. Но ты права, все это очень подозрительно выглядит. И ты будешь полной дурочкой, если прямо сейчас начнешь расспрашивать мужа.

– Но что же делать? – воскликнула подруга.

– Ждать. Наблюдать. Думать. И не впадать в панику. У всей этой таинственности может быть вполне тривиальное объяснение.

Спустя минуту Кэти исчезла так же таинственно, как и появилась. А Ирис, посидев немного на темной веранде, неожиданно для себя решила к гостям не возвращаться. Разговор, ради которого она приехала в этот дом, состоялся, а больше ей тут, кажется, делать нечего. Зато подумать есть о чем...

Она спустилась вниз и, сославшись на мигрень, попросила подать экипаж...

* * *

Услужливый дворецкий с поклоном отворил двери, и Ирис в задумчивости вошла внутрь...

В холле царил полумрак. Лишь сухо потрескивал догорающий камин, да белела в темноте любимая Эльсвиком статуя Афродиты. Идти наверх, к себе, и выслушивать болтовню Мэри совершенно не хотелось, и девушка направилась к камину.

– Джефри, зажгите свечи, – на ходу попросила Ирис.

Дворецкий, следовавший за ней, будто только этого и ждал. Он быстро зажег несколько светильников и застыл в ожидании. Холл осветился, приобретая глубину, цвет и некое подобие уюта.

– Спасибо, Джефри. Можете идти.

– Вам ничего более не нужно, мисс Нортон?

– Нет-нет. Идите.

Дворецкий учтиво поклонился и удалился. Девушка осталась одна...

Неожиданно ей почудилось какое-то движение за спиной. Она обернулась без страха, скорее с досадой.

Это был ее отец, Альфред Нортон, который ждал ее внизу и, видно, задремал в кресле, не заметив, что в комнату вползла темнота и надо распорядиться насчет свечей и камина.

– Я была на свадьбе, – торопливо произнесла Ирис, не дожидаясь расспросов.

– Ааа... Как Кэт?

– Не знаю, – откровенно ответила дочь. – Выглядит она совершенно невменяемой. А ведет себя как самая настоящая сумасшедшая. Я и раньше слышала, что от любви сходят с ума, но, признаться, думала, что это поэтическая метафора.

Альфред коротко кивнул. До свадьбы Кэт ему не было никакого дела, и спросил он о ней лишь для того, чтобы задержать дочь.

– Джордж заезжал, – произнес он.

Ирис по своему обыкновению пожала плечами.

– Я приглашала его к ужину, но потом выяснила, что приглашена к Кэт, и сразу же поставила его в известность. Я полагала, что он поймет это как отмену приглашения. Что ж, в следующий раз буду выражать свои мысли отчетливее.

– Вы поссорились?

– Нет! – Ирис по-настоящему удивилась. – Из-за чего мне ссорится с Джорджем Эльсвиком? Мы никогда не ссоримся...

– Дочь, – голос отца зазвучал раздраженно и устало, – лучше б вы ссорились.

Он встал, сделал несколько медленных, тяжелых шагов и остановился у окна, откуда сквозь щель в портьерах сочились влажные сумерки.

– Я не понимаю тебя.

– До каких пор это будет продолжаться?

– Что «это»?

Отец вздохнул:

– До каких пор ты будешь мучить Джорджа? По-моему, ты достаточно долго испытывала его преданность, пора и честь знать. Сегодня он сказал мне что, похоже, ты вообще не собираешься держать слово. Ему так показалось, – поспешно добавил Нортон, видя, как в серых глазах дочери зажигаются опасные огоньки.

– Он нажаловался на меня! Поступок, достойный дворянина, – презрительно бросила она.

– Тебе известно о том, что Джордж когда-нибудь совершал недостойные поступки? – спросил отец.

– Нет, – вынужденно призналась она.

– Тогда в чем дело? Со дня вашей помолвки уже прошел год. Прости, что я напоминаю об этом, но вы с Джорджем совершили вместе довольно долгое путешествие. И в этом путешествии не всегда с тобой была компаньонка...

– Да уж, – фыркнула Ирис и невольно улыбнулась, вспоминая свои прошлогодние приключения. И на пиратском бриге, и в настоящем разбойничьем гнезде на золотом острове, и во время плаванья привязанной к доске в Карибском море с ней действительно не было никакой заслуживающей уважения респектабельной английской дамы. Да и откуда бы она там взялась? Вот джентльменов удачи было хоть отбавляй. Хм, джентльменов...

– Пойми меня правильно, дочка. Я тебя хорошо знаю, и знаю, что ты скорее умрешь, чем сделаешь что-нибудь недостойное, но люди...

– Ты имеешь в виду Пруденс Бэрт и ее клуб: «По словам лошади...», – Ирис презрительно отмахнулась, – она известная фантазерка. Те, кому нечего делать, всегда найдут повод, чтобы обсудить дела других, даже если мы станем вести себя как святые. Ты не сможешь зашить каждый рот в Уэрствуде. Лучшее, что можно предпринять, просто не обращать внимания.

– Я бы рад. – Нортон опустил на диван, поправил свечу и кивком пригласил дочь занять место рядом. Она подчинилась, скрывая досаду. – Банкир Дэвисон отказался финансировать мой «индийский» проект, – сказал он.

Ирис сразу стала серьезной.

– Он объяснил, почему отказал тебе в кредите? Насколько мне известно, торговая компания Нортон еще ни разу не задерживала платежи.

– Это так, – кивнул отец, – но...

– Что «но»? Что сказал тебе этот старый вымогатель?

– Прямо он ничего не сказал. Но дал понять, что если мы не сдержали слово, данное милорду Эльсвику, то у него нет уверенности в том, что мы сдержим слово, данное ему. Примерно так.

– Чепуха, – отмахнулась дочь, – кто просит его верить тебе на слово? Разве тебе нечем обеспечить кредит? Один Нортон-хаус с лихвой покроет любой заем. А верфь? А корабли с грузами? А канатная мастерская? Он водит тебя за нос, и, сдастся мне, я знаю, в чем тут дело. На него давит титулованная родня Эльсвика.

Нортон невольно улыбнулся.

– Ты хорошо соображаешь, девочка. Дэвисон хоть и богат как Крез, но вряд ли рискнет ссориться с Блэквудами и Фоултонами. Не забывай, у него тоже растет дочь, и он не прочь завести для нее карету с гербом.

– Ты думал, к кому можно обратиться помимо Дэвисона? – спросила Ирис после минутного молчания.

– Видишь ли, девочка, – Нортон замялся, – смена банкирского дома всегда влечет за собой ревизию, и более тщательную, чем обычно. А я бы не хотел, чтобы мои приходно-расходные книги в ближайшее время листал кто-нибудь, кроме меня.

– Неужели все так серьезно? – встревожилась Ирис.

– К сожалению... – Нортон развел руками и невесело улыбнулся.

Ирис сидела ошеломленная, пытаясь осмыслить это заявление. Отец не скрывал от прямой наследницы, что у компании трудности, и было бы странно ожидать чего-то иного: политическая обстановка в стране накалялась. Поговаривали, пока вполголоса, но все чаще и чаще, что трон шатается под его величеством Яковом Стюартом Вторым, и что он сам и его августейшая супруга Мария Модентская спят на фамильных драгоценностях на случай поспешного бегства. В этой ситуации многие торговые предприятия переживали кризис... но не до такой же степени!

– Будь оно все!... – наконец ожила Ирис. – Это какая-то дьявольская западня. Ты уверен, что без «индийского» проекта нам не vyplыть?

– Уверен, – ответил отец спокойно и очень серьезно.

– Но куда же подевалась такая прорва денег? Я отчего-то уверена, ты это знаешь.

– Знаю, – так же спокойно кивнул Нортон.

– Так может быть, и мне следует об этом узнать?

– Нет. И, я думаю, ты не вправе осуждать меня за молчание. Ты ведь тоже хранишь свои тайны. Я ведь до сих пор не знаю, что произошло на Карибах, и как вам с Харди удалось обменять «Полярную звезду» на «Синий цветок». Я пытался разговорить капитана раз семнадцать, если не ошибаюсь... Даже напоил пару раз до положения риз – все без толку.

– Вы все как будто сговорились сегодня напоминать мне о прошлом! – взорвалась Ирис. – Ну почему именно сегодня и все сразу? Звезды, что ли, так встали? Джордж, Кэти, а теперь и ты! Кэти отчего-то взбрело в голову, что я встречалась с ее драгоценным супругом на Карибах. Дурочка ревнивая. Я поклялась ей самой страшной клятвой, чтоб мне облысеть, что не видела барона де Сервьера даже во сне... и он меня не видел... По крайней мере – наяву, за его сны я, конечно, не поручусь. – Она немного успокоилась. – А я уехала со свадьбы вне себя от беспокойства. Я думала, что все эти дурацкие тайны похоронены на дне Карибского моря, и тут они всплывают. И где? В доме Пруденс Бэрт! Миссис Попугай Бэрт! Миссис Непокколебимая Мораль! Миссис Длинный Язык! Неудивительно, что Дэвисон показал тебе на дверь. Я все это время боялась чего-то подобного.

– Ну, хватит! – резко прикрикнул отец и со стуком припечатал жесткую ладонь к высокому столику.

Ирис взглянула на него удивленно, но замолчала. Отец редко кричал на нее. Но тут она заметила на столе початую бутылку джина, и все встало на место. Отец перехватил ее взгляд.

– Я становлюсь похож на Харди Мак-Кента, но разума еще не потерял. И деньги терять не намерен. Они мне слишком тяжело достались, чтобы бросать их коню под хвост из-за простого детского упрямства. Ты выйдешь замуж за Джорджа Эльсвика ровно через неделю, день в день. Тянуть дальше неприлично, смешно и очень невыгодно. Джордж со мной согласен.

Дочь молчала, и это молчание очень не нравилось отцу.

– Это произойдет не здесь, а в Лондоне, – добавил он.

– В Лондоне? – отстраненно удивилась Ирис.

– Именно. И мы отправимся туда уже завтра. Я отдал распоряжение Мэри паковать твои вещи. Мы будем жить в гостях у милорда, в доме на Кинг-стрит. Это недалеко от Уайт-холла.

– У Джорджа есть дом в Лондоне?

Нортон недовольно подумал, что из всего сказанного до нее дошло только это.

– Он купил его недавно.

– Он купил? У него нет денег даже на собачью будку.

– Купил, – повторил Нортон, – а я дал ему денег. И мы не будем обсуждать это с тобой.

– Ах, вот что! – Ирис вскочила и сделала несколько быстрых шагов, – Как же это я раньше не догадалась?! Ведь это было ясно и слепому. И еще этот раненый человек, который прятал лицо... Теперь понятно. Попутный ветер из Голландии?

Она выпалила это – и сама испугалась. Альфред Нортон замер. Он смотрел на нее остановившимся взглядом и был похож на человека, пораженного молнией. Наконец, он опомнился, встал и, не глядя на дочь, взял бутылку. Несколько минут он не мог справиться с пробкой, руки его дрожали.

– Мисс Нортон, вы отдаете себе отчет в том, что обвинили отца в государственной измене? – произнес он, наконец, и голос его показался дочери чужим.

– Я отдаю себе отчет в том, что сделала это слишком громко. Даже в стенах этого дома мне следовало быть осторожнее.

– Замолчи! – рявкнул Нортон. – Хватит об этом. Это твои фантазии, и вдобавок – глупые фантазии. И я собираюсь их пресечь. Через неделю ты станешь графиней, и я лично поведу тебя к алтарю. Никаких возражений, – рявкнул он, хотя Ирис и так молчала. – До сих пор я лишь уговаривал, а сейчас буду приказывать. И ты не посмеешь ослушаться.

Ирис стояла напротив, прямая и внешне очень спокойная. Но ее спокойствие не могло обмануть Нортон. Дочь была зла, обижена и очень встревожена. Но – молчала. С минуту Нортон смотрел на нее, ожидая хоть какой-нибудь реакции, потом пожал плечами, повторив ее излюбленное движение, и вышел в боковую дверь, прихватив початую бутылку.

Девушка осталась одна.

Неожиданно она рассмеялась. Смех в пустом холле прозвучал странно: коротко, сухо и совсем не весело.

– Итак, мой отец финансирует новый «Пороховой заговор», и мы на грани банкротства... Очень утешительно.

Рядом с камином стояла огромная декоративная ваза, дорогая, но не слишком изящная. Ирис терпела ее с трудом, как и всю остальную безвкусную роскошь этого зала. Здесь отец беседовал с компаньонами и потенциальными инвесторами. Бал правили деньги. Деньги диктовали вкусы и определяли поступки. Деньги лишили ее свободы и заставили отказаться от любви. Зачем? За что она заплатила такую непомерную цену? За этот глиняный горшок?

Внезапная ярость толкнула ее к камину, заставила подхватить щипцы и с силой обрушить их на ни в чем не повинную вазу. Черепки с сухим треском повалились на пол. Ирис вернула щипцы на место и аккуратно расправила манжеты.

– Не посмею?! Посмотрим! – произнесла она с ледяным спокойствием.

Глава 2

Дворец лорда Хэя на Стрэнде славился своим гостеприимством. Изысканные балы, приемы и светские рауты министра вошли в поговорки. Здесь можно было встретить цвет аристократии, звезд политики и князей церкви. Провести сезон в Лондоне и не побывать на балу у лорда Хэя – было все равно что попасть в Рим и не осмотреть знаменитый Колизей или в Мадриде пропустить корриду.

Стоял удивительно теплый осенний вечер. Небо понемногу затягивалось облаками. Они грозили дождем, но отчего-то медлили исполнить угрозу. Дворец сиял превосходной иллюминацией, над которой изрядно потрудились месье Жобер, парижанин, который в этом сезоне среди лондонской аристократии был нарасхват.

Бал начался четверть часа назад, но гости все еще продолжали прибывать, и поток этот мог иссякнуть не раньше полуночи. Часть гостей подъехала в экипажах, другая воспользовалась легкими лодками, эти прибывали по Темзе и, пристав к берегу, поднимались к крыльцу по широкой мраморной лестнице. По всей ее длине, на разной высоте, были укреплены светильники и, хотя было еще недостаточно темно, чтобы по достоинству оценить это великолепие, все равно зрелище было незабываемое.

Во дворце играла легкая музыка. Танцы еще не начинались, и гости неторопливо прогуливались меж колонн, раскланиваясь друг с другом, собираясь в кружки, где мужчины спорили о политике, а дамы ревниво разглядывали наряды друг друга.

Зал был убран в светло-розовых тонах, что удивительно гармонировало с огромными гирляндами белых роз, украшавшими стены, портьеры и резные колонны.

В глубине зала, рядом с широкой лестницей, ведущей наверх, в тени величественных мраморных статуй стояла или, можно сказать, пряталась пара: молодой человек лет двадцати с небольшим, одетый в щегольской костюм самого модного в этом сезоне, темно-фиолетового цвета и девушка в элегантном белом платье с наглухо закрытым воротом. Этот туалет давал возможность довольно точно определить ее статус: сестра или невеста, так как по неписаным законам только замужние женщины могли появляться в свете с открытыми плечами.

Пользуясь тем, что на них никто не смотрит, девушка с любопытством разглядывала собравшееся здесь светское общество. Ослепительные дамы и надменные кавалеры с их царственным видом и совершенно очаровательной непринужденностью в общении смущали ее, заставляя чувствовать неловкость и несвойственную ей робость. Но девушка скорее откусила бы себе язык, чем сказала что-то подобное сопровождающему ее кавалеру. Тем более что тот и сам чувствовал себя не слишком уверенно. Девушка подбодрила его легкой улыбкой.

– Поскорее отделайтесь от этой книги, Джордж. Когда начнутся танцы, наверное, будет поздно.

– Это не займет много времени, – ответил молодой человек, – я не собираюсь болтать с лордом Хэем. Тем более что я его совсем не знаю. Вот только найду, с кем вас оставить, чтобы вы не скучали.

– Неужели среди всей этой толпы вы не видите ни одного знакомого лица?

– Ирис, – Эльсвик слегка замялся, – в определенной степени они все мне хорошо знакомы еще по прошлому сезону. Лондонский свет не меняется. Но я не вижу человека, на которого могу оставить вас со спокойной душой.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Ирис.

– Я хочу быть уверен, что вас не поставят в неловкое положение...

– Вы говорите загадками.

Эльсвик снисходительно улыбнулся.

– Высший свет похож на узкую тропу в диких джунглях, полную ловушек. Любой неверный шаг может стоить если не жизни, то репутации. А это в определенном смысле одно и то же.

– Неужели все так плохо? – со смехом спросила Ирис. – Уверяю, Джордж, эти люди не станут требовать от меня невозможного и не осудят строго за мелкие промахи. Ведь у меня на лбу написано, что я – провинциалка.

Эльсвик невольно вздрогнул и завертел головой так, словно ему жал высокий галстук.

– Потихе, дорогая. А если можно, лучше вообще не говорить таких вещей вслух.

– Но почему? – неподдельно удивилась Ирис, – что плохого в том, чтобы родиться в деревне?

Граф взглянул на нее, как на неразумного ребенка.

– Разумеется, ничего. Но будет лучше, если об этом не узнает никто, кроме меня. Свет может простить все: дуэль, банкротство, неверность, тайный порок... при условии, что он не вызывает скандалов. Но есть два ужасных преступления, которые не прощает свет: невыплаченный карточный долг и галстук, повязанный по моде прошлого сезона.

Ирис рассмеялась, благодарно взглянув на жениха. Ему все-таки удалось вернуть девушке утерянное было самообладание. Внезапно Эльсвик оживился и вытянул шею.

– Фоултоны приехали, – сообщил он, – мой дядя Генри с супругой. Сейчас он поздоровается с епископом и лордом Блейкни, и я тебя представлю.

– погоди, – остановила его Ирис, улыбаясь с явным облегчением, – есть вариант получше. Смотри, кто приехал!

В распахнутые двери зала, те, что со стороны Темзы, входила новая пара. Ирис ждала от своего первого выхода в свет чего угодно, но только не того, что встретит там знакомые лица. Мужчину она видела второй раз в жизни, но узнала: это был французский аристократ барон де Сервьер. А женщина...

– Бог мой, это же Кэти! Идем скорее, поздороваемся.

– Подожди, дорогая, – Джордж придержал невесту, – лучше бы нам сначала поздороваться с Фоултонами. Барон, конечно, француз, от иностранцев многого не ждут, но все же...

– Все же? – со значением повторила Ирис. Серые глаза нехорошо сощурились. – Договаривайте, милорд. Если уж сказали «а», то говорите и «б».

– Барон недавно в Лондоне, но он уже успел обзавестись известностью, которую обычно называют скандальной.

– Продолжай, – потребовала Ирис. Торопливый и путанный разговор с подружкой на веранде, сразу после ее свадьбы, так и не шел у нее из головы.

– Он не слишком ловко поинтересовался делами одной довольно успешной торговой компании. В некоторых кругах решили, что он – шпион от конкурентов, а никакой не аристократ. Тем более что Вивиан, сестра графа Шрусбери, провела год во Франции... И она абсолютно уверена, что никакого поместья с таким названием на юге Франции нет. И никто там не знает таких баронов.

– Ну, если Вивиан сказала, – фыркнула Ирис, – тогда конечно... Вообще-то существует реестр всех поместий и их владельцев. Коль скоро он есть у нас, то должен быть и во Франции. Почему бы не обратиться к нему, вместо того чтобы собирать сплетни? И вообще, раз барон принят в доме министра, значит, и для нас с тобой он вполне подходящая компания. По крайней мере, пока его не поймают за руку за шулерством в карты. Ты идешь?

Граф нехотя подчинился.

Пока мужчины осторожно знакомились и искали подходящую тему для разговора, их дамы рассматривали друг друга. Ирис осталась той же мисс Нортон, что и в Уэрствуде, тут, похоже, даже лондонский сезон был бессилен что-либо изменить. А вот в маленькой Кэти произошли перемены. Черное открытое платье, сшитое по последней моде, так выразительно обрисовывало ее стройную, но не худую фигуру, что на подружку оглядывались, и в значении

этих взглядов ошибиться было трудно. Ирис провела беспристрастное сравнение и со свойственной ей честностью признала свой проигрыш.

Кэти выглядела смущенной и не слишком веселой. Ирис взглянула на скандально известного барона и неожиданно встретила взглядом с его холодными синими глазами.

– Мисс Нортон, – барон «сделал» вежливую улыбку, – признаться, не ожидал встретить вас у Сесиля.

По-английски он говорил превосходно, словно родился не в солнечном Беарне, а на туманных берегах Темзы.

– Ваша милость так коротко знает лорда Хэя? – спросила Ирис.

– Вовсе нет. Но министра, как и короля, говоря о нем за глаза, всегда называют по имени. Это своеобразная форма признания.

– Разрешите мое недоумение, барон, – проговорила Ирис, с опаской глядя на подругу. – Кэти говорила, что еще в Уэрстведе вы спрашивали обо мне. А между тем, я готова поклясться, что раньше мы не встречались. У меня хорошая память на лица.

– Вы правы. Это была ошибка. Надеюсь, вы простите мне ее? Я ведь, к сожалению, не обладаю такой же прекрасной памятью на лица.

– Дорогая, – Эльсвик тронул Ирис за руку, – я оставлю вас на одно мгновение. Только отделаюсь от поручения мистера Нортон – и сразу же вернусь.

– Твой отец попросил передать министру молитвенник? – шумно изумилась Кэти. – Они разве знакомы? Я бы сказала – странный поступок.

– Вовсе нет, – вмешался ее супруг в тот момент, когда Ирис уже была готова задушить подругу. – Я говорил на эту тему с виконтом Каслри и выяснил, что в свете сейчас модно дарить друг другу молитвенники, чтобы продемонстрировать свою оппозицию католицизму. Ничего странного в этом нет, всего лишь своеобразная фронда...

Тон барона был легким, но взгляд, которым он проводил Эльсвика, тяжелым и внимательным. У Ирис невольно сжалось сердце...

Тут в блестящей толпе наметилось движение, и все взгляды обратились в сторону дверей, в которые в этот момент входила еще одна пара. Гости на несколько мгновений опешили. И было от чего. При всем желании нельзя было представить себе более неподходящей друг другу четы. Мужчина был слишком высок и слишком стар, и даже безукоризненно сшитый костюм не мог скрыть его ужасающей худобы. А цвет его лица – слишком смуглый – и черты, выразительные, но вряд ли хоть сколько-нибудь гармоничные... все это выглядело отталкивающе. Особенно рядом с дамой, которую он сопровождал.

– Королева, – сдавленно произнес чей-то голос рядом.

– Мадонна, – поправил его другой.

А она шла сквозь притихшую толпу, легко опираясь на руку своего спутника, и не глядела по сторонам.

Это был именно тот тип красоты, который с такой живостью запечатлели в веках кисти знаменитых флорентийцев: яростный языческий огонь, укрощенный, или, скорее, жестоко скованный всеми христианскими добродетелями, сколько их ни есть на свете. Легкая грация, и тяжелый водопад золотых волос с медным отливом – такой увидел ее лондонский свет.

– Кто она? – шепотом спросила Кэти и тотчас получила ответ от виконтессы Фоултон, которая, как всегда, была осведомлена лучше всех:

– Итальянская княгиня с супругом.

– Княгиня? В таком простом платье?

– Это платье стоит дороже, чем «Синий цветок», – отозвалась Ирис и, присмотревшись повнимательнее, добавила, – с грузом. Чтобы оплатить такую вышивку, короли, бывало, закладывали целые провинции.

Наивное изумление Кэти позабавило общество. А итальянская княгиня меж тем прошла мимо, не опираясь, а лишь легко касаясь руки супруга, едва скользнув по Ирис Нортон не узнающим взглядом. Толпа сомкнулась за странной четой, волнение мало-помалу стихло, гости отхлынули от дверей к колоннам, освобождая середину зала для танцев.

В этой суматохе никто не заметил, как несколько человек с вежливыми извинениями покинули зал, удаляясь через разные двери. Кроме, возможно, скандально известного французского аристократа, супруга маленькой Кэти, чьи холодные глаза, ни на чем не останавливаясь, замечали все.

Наконец появился Эльсвик. Ирис подумала, что теперь-то они присоединятся к танцующим. Но у жениха были на этот счет свои планы, и он твердой рукой повел ее к своей титулованной родне. Ирис, наконец, была официально представлена высшему свету. Приняли ее более чем прохладно. От волнения и расстройства девушка не заметила платка, выскользнувшего из-за манжеты, и обнаружила это лишь когда услышала сзади глуховатый голос:

– Простите, мисс, вы, кажется, обронили.

Она машинально взяла протянутый платок, обернулась со словами благодарности... и успела заметить только спину, стремительно отдалявшуюся и через миг пропавшую в людском водовороте. Девушка подняла взгляд, возмущенный и обиженный. Леди Маргарет Фоултон многозначительно посмотрела на нее, на злосчастный платок – и ничего не сказала. Что, видимо, было хуже всего. Ирис вздохнула. Вечер лишь начался, а ей уже в третий раз указали ее место. Пожалуй, в доброй старой Англии и впрямь не было хуже преступления, чем родиться в деревне. Разве только в деревне вырасти.

* * *

Лорд-хранитель печати добрался до своего охотничьего кабинета первым. Званных гостей еще не было. Кабинет располагался на втором этаже просторного особняка. Переступив порог, лорд внимательно осмотрел комнату. Потом пересек кабинет и рывком отдернул темные шторы. Никого. Впрочем, если бы даже кому-то и пришла в голову фантазия спрятаться в кабинете, чтобы пырнуть министра чем-нибудь острым... Вот уже несколько месяцев лорд носил под одеждой гибкую итальянскую кольчугу и уже успел убедиться в ее надежности.

Еще раз подозрительно оглядев комнату, он, наконец, впустил двоих офицеров.

– Прошу вас, располагайтесь, – негромко предложил он.

Вошедшие молча повиновались. Они были очень разными. Высокий брюнет в мундире гвардии славился изысканными манерами, двумя отчаянными дуэлями чуть не под окнами Уайтхолла⁵ и трепетным отношением к болезненной матери. Второй, среднего роста блондин с круглым лицом и шикарными усами, был немного полноват, но чин кавалерийского капитана придавал ему уверенности в любой ситуации.

– Итак, сэр, – пробасил он после довольно долгого молчания, во время которого оба приглашенных внимательно слушали, как тикают большие напольные часы в кабинете министра, – расскажите же, ради чего мы покинули наших дам?

– Имейте терпение, господа, – лорд Хэй опустил за письменный стол, спиной к окну, – всему свое время.

– Не хочу показаться назойливым, – продолжал капитан, – но где же наш уважаемый Присби?

– Должен быть с минуты на минуту, – Хэй бросил взгляд на массивные часы, – вероятно, его задержали банковские дела.

⁵ Уайтхолл (Whitehall) – улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.

– Разве нам недостаточно услуг мистера Нортон? – подал голос второй офицер.

– Молодой человек, – произнес капитан, – наше дело – справедливое и угодное Господу, а такие дела, как правило, очень дорогостоящие. Услуги Присби нам нужны не меньше, чем ваша доблестная шпага. Деньги, дорогой Дадли, лишними никогда не бывают.

– Да, если учесть, с какой скоростью вы умудряетесь их тратить, то, пожалуй, нам скоро понадобится еще парочка банкиров, – огрызнулся гвардеец.

– Я должен принять ваше замечание на свой счет? – сощурился капитан.

– Как пожелаете, – отозвался Дадли.

– За такие намеки полагается отвечать со шпагой в руке, сэр.

– Господа, успокойтесь. Вы у меня в гостях, а не в казарме! – Недовольный голос лорда-хранителя печати заставил Дадли придержать очередную колкость. – Мы делаем общее дело, и наши ссоры лишь на руку врагам.

В кабинете установилась напряженная тишина. И, словно специально дождавшись этого мгновения, в дверь негромко постучали.

Капитан машинально потянулся к эфесу шпаги. Скрипнул ящик стола, и рука лорда Хэя легла на пистолет. Только молодой гвардеец остался неподвижен и равнодушен. Дверь бесшумно отворилась.

– Простите, господа. Я, кажется, немного припозднился?

На пороге стоял маленький человечек в сюртуке, с тонкой полированной тростью.

– Признаться, мистер Присби, вы нас несколько... – лорд сделал паузу, подбирая нужное слово, – смутили.

– Мы подумали, что нас уже хватились, – меланхолично произнес Дадли, – и сейчас на пороге кабинета нас ждет конвой, чтобы проводить в Ньюгейт⁶.

– Простите великодушно, – Присби неловко улыбнулся.

– Располагайтесь, – кивнул лорд, и гость засеменил короткими ножками к дивану.

– Теперь, когда мы все в сборе, разрешите зачитать вам послание, полученное сегодня от нашего дальнего друга.

Министр оглядел присутствующих. Офицеры и банкир молчаливо ждали. Хэй взял лежавший на столе молитвенник и небольшим ножом для бумаги ловко вскрыл переплет.

Оттуда он извлек письмо и начал читать:

– «Я очень тронут Вашей заботой о страданиях британского народа и счастлив узнать, что есть люди, которые ставят благо отечества выше собственного, и даже выше своей жизни.

До меня дошли слухи о том, что в среде благородных людей королевства зреет недовольство. Это хорошая новость. К сожалению, ситуация, которая сложилась в моих собственных владениях, не позволяет мне активно участвовать в Вашей благородной миссии и оказать Вам сколько-нибудь весомую помощь. Но я верю, что Господь не оставит Вас своей милостью и ниспошлет, наконец, покой и мир на многострадальные земли Англии».

Лорд Хэй оторвался от письма и многозначительно взглянул на гостей.

– Что скажете, господа?

– По-моему, все ясно, – первым ответил капитан, – он нам отказал.

– Значит ли это, – вмешался Дадли, – что мы потерпели поражение?

– А что скажете вы, мистер Присби? – внезапно спросил лорд Хэй.

Маленькие глазки сосредоточились на лице министра.

– Вы позвали меня, сэр, потому что вам нужна помощь.

– Очень, – вставил капитан.

– Я готов помочь. Но вы должны мне обещать, что деньги не будут потрачены напрасно. После того, что я только что услышал...

⁶ Ньюгейт – тюрьма, основанная еще в 12 столетии.

– А что вы, собственно, услышали? – холодно спросил Дадли, – я, например, не услышал ничего важного. Это письмо, переправленное с такой таинственностью, на самом деле можно было просто отнести на почту. И, сдастся мне, господа, это всего лишь отвлекающий маневр.

– Думаю, вы правы, – Хэй с явным одобрением взглянул на гвардейского офицера. Он – птица высокого полета. Ему ни к чему заранее афишировать свои намерения. – Письмо, которое я вам зачитал, как видите, без подписи. Кроме того, оно обрезано по краю. И не слишком ровно.

– И что это значит? – спросил Дадли, рассматривая ногти.

– Значит, есть вторая часть, – сообразил банкир, – и ее, в целях безопасности, везет другой курьер. Очень умно. Но когда прибудет этот, второй?

– Уже, – лаконично ответил министр.

– Надеюсь, он предстанет перед нами, – поинтересовался Дадли.

– Безусловно, – ответил лорд, – перед тем как пригласить вас, я послал за ним, и сейчас, – лорд снова взглянул на часы, – он, наверное, ждет в саду. Будьте любезны, капитан, возьмите свечу и подойдите к окну.

Капитан встал, сделал несколько шагов, позвякивая золочеными шпорами, и, отодвинув штору так, чтобы пламя свечи было видно из сада, несколько раз поднял и опустил тяжелый медный подсвечник.

– Благодарю вас, сэр, – кивнул Хэй. – Теперь надо немного подождать.

– А что за человек? – любопытствовал Присби, когда капитан вернулся к дивану.

– Ничего определенного сказать не могу, – ответил лорд, – но достоверно знаю, что кроме второй части письма он имеет устное предписание и большие полномочия от нашего общего друга.

– Мне кажется, это ответ на ваши сомнения, – произнес Дадли, обращаясь к банкиру.

– Господа, – министр легонько постучал по столу ладонью, привлекая внимание, – давайте же, как говорит наш уважаемый друг Присби, подведем баланс. Военная сторона нашего плана полностью готова, в чем большая заслуга присутствующих здесь офицеров. – При этих словах капитан довольно кивнул. Дадли лишь сухо улыбнулся. – Финансовая сторона тоже не вызывает сомнений, не правда ли, мистер Присби?

Глазки банкира ожили и несколько раз переместились с гостей на хозяина кабинета.

– Совершенно справедливо, – кивнул он, – я выделю ровно столько, сколько требуется на известных гарантиях моему банковскому дому от нового кабинета. Если наш гость даст мне такие гарантии...

– Воистину деньги правят миром, – изрек капитан.

– Большие деньги, Кроуш, – равнодушно вставил Дадли.

Часы с сухим стуком отмеряли время.

– Посланец нашего друга, часом, не заблудился? – недовольно спросил капитан Кроуш.

– Он видел ваш сигнал? – спросил Хэй.

– Да, и ответил.

– Прошло уже почти четверть часа. За это время можно было добраться из сада до кабинета задом наперед и с мешком на голове, – сказал Кроуш.

– Я pošлю слугу проверить...

– Лучше я сам. – Дадли встал, проверил шпагу на поясе и вышел, аккуратно притворив за собой дверь. В кабинете воцарилось напряженное молчание, которое никто не смел нарушить.

Дадли появился довольно скоро. Он был бледнее обычного, казалось, что его знаменитое хладнокровие несколько изменило офицеру. Но, когда он заговорил, голос прозвучал ровно:

– Милорд, как выглядит посланец друга? – спросил он.

Хэй в волнении привстал.

– Он довольно высок, отлично сложен... кажется, совсем молодой человек. Волосы темно-каштановые, вьющиеся... Прекрасный цвет лица.

– Насчет цвета сейчас ничего уже сказать нельзя, а все остальное совпадает, – отрывисто произнес Дадли, поискал глазами, и, заметив на круглом столике графинчик, плеснул себе вина.

– Что вы хотите сказать? – встрепнулся Присби.

– Он мертв. Убит. Совсем недавно. Кровь еще струится.

– Как... мертв? Совсем?

– А что, бывают варианты? – едко сострил Дадли, которому торопливо опрокинутый стаканчик отчасти вернул присутствие духа. – Мертв совсем, мертвее не бывает. Заколот в спину стилетом или узким ножом. В темноте не разобрать. Но – не шпагой, это точно.

– Как же это? – растерялся Хэй. – Ведь он же ответил на сигнал Кроуша?

– Он или тот, кто его убивал, – бросил Дадли.

– При нем была какая-нибудь сумка или пакет? – сообразил, наконец, Хэй.

– Ничего. Я обыскал его. Но документ, если он есть, может быть зашит в одежду или спрятан в тайник, который сразу не обнаружишь.

– Где тело?

– Сейчас – в кустах шиповника, за розовым павильоном. Я его перепрятал на случай, если убийца вернется для более тщательного обыска. Плащ с него не снят, если вам интересно, и сапоги тоже. Так что, вполне возможно, документ еще там.

Лорд Хэй потянулся за колокольчиком. Крепкая рука капитана прижала ладонь министра к столу.

– Не стоит посвящать в наши дела лишних людей, – веско произнес Кроуш.

– Мы сами, – кивнул Дадли, – найдется помещение, куда можно будет его положить?

Едва хозяин дворца и его гости покинули охотничий кабинет, и шаги их, приглушенные ковром, стихли, в самом конце коридора с тихим скрипом отворилось окно, мелькнул силуэт, и на пол мягким кошачьим прыжком приземлился человек в странном бело-сером одеянии не то призрака, не то гигантской летучей мыши-альбиноса. Одно мгновение – и он скинул тонкий плащ, который позволил ему остаться незаметным на серой стене дворца, свернул его в несколько раз, расстегнул камзол и обернул плащ вокруг талии. Странная деталь костюма в его облике, в общем, ничего не изменила. Он остался таким же худым, высоким и отталкивающим внешне. Оглядевшись вокруг, он бесшумно шагнул к столу и быстрым взглядом просмотрел небрежно разбросанные бумаги. Нужная обнаружилась сразу. Весть об убийстве сразила господина министра, и он сделал то, что не сделал бы ни при каких иных обстоятельствах – оставил письмо на столе. Человек пробежал его глазами, провел пальцем по неровно обрезанному нижнему краю и, аккуратно сложив, сунул за пазуху...

* * *

– Ваше светлейшее сиятельство позволит пригласить вас на следующий танец?

Джованна да Манчина, безусловная королева сегодняшнего бала, благосклонно улыбнулась виконту Каслри.

– Ее сиятельство не против, но, возможно, это придется не по вкусу его сиятельству.

Кавалер покрутил головой, пытаясь отыскать уродливого супруга прекрасной княгини, но нигде не заметил нескладной худой фигуры.

– Неужели князь так ревнив?

– О, – тихо рассмеялась Джованна, – здесь есть поговорка: «Ревнив, как итальянец». У нас, в Италии, говорят: «Ревнив, как манчинец», а в Манчине вы можете услышать: «Ревнив,

как Лоренцо», и, право, никто еще не относил эту поговорку на счет какого-нибудь другого Лоренцо.

– Я его понимаю, – с чувством произнес виконт, – если бы я владел таким сокровищем, то, клянусь честью, запер бы вас в какой-нибудь башне и запретил бы в нее входить даже доверенным слугам.

– Какое счастье, что вы не Лоренцо!

– По крайней мере, мне, как бы я не был плох в ваших глазах, и в голову бы не пришло оставить вас одну на балу. – В голосе виконта проскользнула обида, и Джованна насторожилась.

– Знаете, – произнесла она, захлопывая веер, – пожалуй, я все-таки не откажу себе в удовольствии позлить Лоренцо. Пригласите меня, виконт.

Музыка зазвучала, заглушив ответ секретаря всемогущего Сесила. Веер Джованны опустился вниз, раскрылся на две планки и снова захлопнулся. Эти манипуляции были проделаны так быстро и ловко, что никто их не заметил, кроме... французского барона, мужа Кэтрин.

И еще одного человека...

Он стоял в тени за колонной и неотрывно смотрел, но не на ослепительную княгиню, а совсем в другую сторону. Туда, где стояла девушка в простом белом платье, немного смущенная, но все с тем же задорным блеском в глазах, готовая бросить вызов всему свету. Он бы с удовольствием смотрел на нее весь вечер... Если бы некоторые гости не повели себя несколько странно. От его внимательного взгляда не укрылись ни манипуляции с веером, ни то, кому они адресованы.

* * *

– Интересно, что делают лавочники на балу у Сесила? – раздался женский голос.

Фраза была брошена, словно камень в пруд, намеренно громко, так, чтобы круги разошлись далеко. Родерик Бикфорд неторопливо обернулся. И встретил дерзкий вызывающий взгляд старшей дочери Фоултонов. Он улыбнулся.

– Ну зачем же так унижительно... лавочник. Коммерсант! – Бикфорд прищелкнул пальцами. – Коммерсант – это звучит гордо. И красиво. Только вслушайтесь в звучание слова не-го-ци-ант. В нем свист ветра в парусах, гром пушечных ядер, звон оружейной стали, запах восточных пряностей, морская соль и нежность шелковых тканей под пальцами. Риск и мужество. «Находчивость и смелость, отвага и удача»... И благодарность королей...

Элизабет давно уже перестала возмущаться и слушала торговца, приоткрыв свой прелестный ротик... Но Родерик вдруг отвернулся. Он заметил, как француз что-то сказал своей юной жене и развернулся, намереваясь, видимо, покинуть зал. Бикфорд шагнул из-за колонны. За ним.

– Дорогая, ты поступила очень неосмотрительно, – попенял дочери Фоултон, – не стоит задевать человека, который в чести у Его Величества. Тем более не стоит делать это публично. Твое счастье, что мистер Бикфорд придает очень мало значения условностям.

– Вот как? – девушка презрительно вздернула подбородок. – Бикфорд в чести у короля? Я об этом не знала.

Молодой лейтенант Блеквуд, стоявший рядом, обаятельно улыбнулся девушке.

– Говорят, за его выдающиеся заслуги перед Англией и троном, Его Величество пожаловал младшему Бикфорду титул баронета.

– Замечательно! Значит, теперь мы должны обращаться к торговцу «Ваша милость»?

– Не обязательно, – успокоил девушку лейтенант, – он не принял титула.

– То есть, как это «не принял»? – не поняла Элизабет. – Бикфорд отказал королю?

– О нет, не впрямую. Он пожал плечами, вежливо поблагодарил и напроочь забыл об этом сразу после аудиенции.

Кружок назойливых поклонников вокруг итальянской княгини внезапно поредел, и Джованна с немалым облегчением увидела своего мнимого супруга.

– Вы неосторожны, – зашептала она, едва он приблизился, – ваше отсутствие заметили.

– Проклятье! – выругался Лоренцо. – Это было необходимо. Произошли странные события. А кто заметил?

– Виконт Каслри. Между прочим, он секретарь самого Сесиля Хей.

– О! Он уже назначил вам свидание?

– Нет, но это вопрос времени. И, кроме того, я встретила здесь знакомого...

– Интересно – кого же?

– Я знала его под разными именами, – тихо произнесла Джованна.

– Это становится все более интригующим, – нейтральным тоном заметил князь.

– Он, безусловно, узнал меня. Но не подошел. И, кстати сказать, Этьенн не сводил с него глаз!

– Они знакомы? Хотя, что я спрашиваю? Если мы говорим об одном человеке, то француз ехал сюда, чтобы бросить ему вызов?

– Вы правы, – кивнула Джованна, – и, кажется, именно сейчас он собрался это сделать.

Лоренцо обшарил зал внимательным взглядом и снова выругался.

– Похоже, вы правы.

– Это очень опасный человек. Он владеет шпагой как бог.

– Я знаю, – кивнул Лоренцо. – Но ведь вы же не хотите, чтобы я снова оставил вас одну?

– А если Этьенн погибнет?

– Значит, его хваленая ловкость сильно преувеличена, – невозмутимо произнес Лоренцо. – Пусть дерутся. Хороший клинок не затупится, а плохой мне не нужен.

* * *

Раздался треск сломанных веток, и нежные лепестки поздних белых роз бесшумно осыпались на влажную землю и еще зеленую, ровно подстриженную траву. За спиной была освещенная лестница, а внизу, на темной воде, безмятежно покачивались лодки.

– Куда торопитесь, ваша милость?

Бикфорд невольно вздрогнул. Голос прозвучал опасно близко. Родерик стремительно обернулся. Была уже глубокая ночь. Сад темнел зловещим провалом, а сплетенные над аллеями ветви старых вязов были похожи на взявшихся за руки великанов. От одного из них отделилась темная фигура и шагнула к нему.

– Откуда ты взялся? – мрачно спросил он. Вопрос был чисто риторический, но ответ прозвучал немедленно:

– Из-за двери...

– Будь ты проклят! Ты даже не представляешь, как ты не вовремя!

– А смерть никогда не приходит вовремя. Она всегда спешит, – темный человек, не отводя взгляда от Рика, обошел его и встал так, чтобы преградить путь отступления вглубь аллеи.

– Я вижу, ты с пользой вложил свое Карибское золото, – произнес он вдруг, – титул, земли, положение... Ты счастлив?

Рик выпрямился.

– Кто вы и что вам от меня нужно?

– Чтобы ты сдох!

– Яснее не скажешь, – усмехнулся Рик. – Но ты же не собираешься устраивать дуэль здесь, в саду министра? Кто бы ты ни был и что бы ни имел против меня.

Француз потянулся к оружию. С тихим шелестом шпага покинула ножны.

– Даже если бы я встретил тебя в церкви, все равно попытался бы уничтожить, – темный человек шагнул ближе, – ты слишком хитрый сукин сын. Стоит мне на одну секунду отвернуться, и ты опять нырнешь куда-нибудь. Я не собираюсь рисковать, Бикфорд. Ты ходишь по земле лишние семь лет, пора с этим заканчивать. Защищайся! – Выпад был стремительным и сильным. Рик едва успел его парировать, несмотря на то, что шпагу давно держал наготове.

Он отскочил в сторону, поскользнулся на мокрой после недавнего дождя траве и упал на одно колено. Перед глазами мелькнуло жальщее острие. Он ушел кувырком в бок, вскочил – лунный свет на мгновение ослепил его, и Рик скорее услышал, чем увидел следующий выпад... Почти наугад, по звуку летящего клинка, он выставил блок и сильным махом отвел клинок в сторону. Этой секунды ему хватило, чтобы резко подняться и занять оборонительную позицию.

Темный человек начал с того, чем другой бы закончил...

Луна светила ему в спину, и Рик понял, что сейчас, на этой серебристой траве он как на ладони. Нет ничего хуже, чем умирать, не зная за что, может быть, по ошибке.

– Кто ты и за что так меня ненавидишь? – Шпаги со звоном скрестились в очередной раз. Рик выровнял дыхание и снова попытался обратиться к незнакомцу: – Я вижу тебя первый раз в жизни. Может, сначала поговорим? Может быть, нам и не из-за чего убивать друг друга?

– В самом деле? – Серия быстрых, коротких ударов лучше всяких слов сказала Рик, какой глубокий отклик его слова нашли в сердце противника. – Значит, станешь невинно убиенным и, как мученик, попадешь в рай.

– Послушай меня! – Ответом было молчание и новая серия ударов. Рик энергично защищался. Его шпага летала как молния, и все же ему с трудом удавалось сдерживать яростный напор противника. – Ты знаешь, от кого я получил титул?!

– Это важно?

– Да! Настолько важно, что, если ты убьешь меня, тебе самому не жить.

Если бы тень не была так занята фехтованием, то, наверное, пожала бы плечами.

– Ха... Мне в любом случае не жить, так что это не имеет большого значения...

Последовал молниеносный выпад, и француз, уходя в сторону, едва устоял на ногах. Каблуки предательски подвернулись... его качнуло... Рик поспешил воспользоваться плодами своей атаки. Шпага визгнула, рассекая воздух, и устремилась вперед. Блок! Легкий скрежет стали...

– Ммх... – едва слышный выдох – и мнимый барон ощутил, что укол в то же левое плечо на этот раз оказался более глубоким. – Сволочь!

– Пора заканчивать! – произнес Рик и, описав шпагой широкую дугу, резко изменил направление.

Он прыгнул вправо, и как только нога коснулась земли, присел, далеко вперед выбрасывая смертельное жало. Но Этьенн... Этьенн искренне считал себя сделанным не пальцем! Сильным ударом сбоку он отшвырнул шпагу атакующего и в следующее мгновение сделал полуоборот – *rate!*⁷. Рик отпрянул, а Этьенн чуть докрутил шпагу, шаг вперед и... – *mortelle!*⁸.

Укол пришелся в бок, шпага скользнула, распоров кожу и пустив кровь. Рик пришлось немного отступить назад. Рука быстрым движением ощупала рану, оценив общий ущерб.

– Вуаля! – цинично улыбаясь, изрек Этьенн.

– Сейчас будет тебе вуаля, паскуда, – процедил сквозь зубы Рик, он и не заметил, что произнес эту фразу по-русски. В сущности, рана пустяшная, но обидная. – Ну все, пора!

– Что?! – дуэлянт выкатил от удивления глаза. Подобной речи он в своей жизни ни разу не слышал, хоть повидал немало французов, голландцев, испанцев, датчан и даже курляндцев...

⁷ Rate – мимо, промах. (*фр.*)

⁸ Mortelle – рана, точный удар. (*фр.*)

Прыжок был подобен атаке гепарда. В долю секунды Рик оказался вплотную к противнику. Две выставленные вперед шпаги скрестились и со скрежетом съехались, ударившись эфесами. На миг дуэлянты обдали друг друга жаром ярости. Этьенн уже открыл было рот, чтобы извергнуть ругательство, но Рик оказался проворнее:

– Ннаа! – он до боли сжал рукоять и, ловко выкрутив руку, ударил эфесом в лицо. Француз отлетел назад, а Рик с занесенным кулаком был уже рядом. Он почему-то решил, что именно сейчас добивать врага надо эфесом...

В пылу поединка противники не заметили, как по аллее сада к ним неторопливо приближаются две молоденькие дамы – гости лорда Хэя. Они увлеченно беседовали, и, вероятно, так и прошли бы мимо, но звон клинков в ночной тишине, приглушенный вскрик и брошенное сквозь зубы ругательство привлекли их внимание. Одна из них, леди в черном, повернула свою хорошенькую головку и пронзительно вскрикнула:

– Силы небесные! Этьенн!

Барон, только что потерявший от очередного удара свою шпагу, только чертыхнулся, но не повернул головы. Он обеими руками уперся в грудь противника, намереваясь того оттолкнуть:

– Ах, ты кусок дерь... – и тут кулак с зажатым эфесом угодил ему прямо в лоб, – ...рыма, – на выходе закончил Этьенн, и перед его глазами заплесали яркие точки.

А Рик уже заносил руку для последнего удара. Но довершить начатое ему не дали...

– Боже! – всплеснув руками, в один голос воскликнули дамы.

– Проклятье! – француз зло сплюнул. Он шатался, но на ногах стоял – Выходит, не только смерть может появиться не вовремя... Тебе повезло, Рик. Но не обольщайся, это ненадолго...

– Да кто хоть ты, скажи, иначе умру от любопытства! – растерянно отозвался Родерик.

– Вспомни женщину, которую ты предал.

С этими словами ночной демон отступил назад, ломая кусты и пошатываясь, словно хватил лишку. Впрочем, именно хватил. Тяжелым тупым предметом по башке.

«Женщина, которую ты предал...»

– Вроде никого не предавал, – растерянно проговорил Рик, – или я чего-то про себя не знаю. Выходит, старость пришла. Винпоцетин нужно пить. Где бы его еще тут достать...

Оглянувшись на двух женщин на аллее и на неведомого врага, который направлялся к ним нетвердой походкой, Рик отступил в темноту.

– Этьенн! – еще раз позвала, почти взмолилась Кэти.

Мнимый барон де Сервьер подошел ближе и властным движением руки заставил жену замолчать.

– Оставьте, дорогая...

– Но вы в крови, ой... и лицо! – Кэт готова была расплакаться.

– Пустое! Не стоит слез! – отрезал супруг и взгляделся в побледневшее лицо подруги своей жены.

– Мисс Нортон, вы что-нибудь видели?

Девушка медленно покачала головой.

– Нет. Только тень.

– Хорошо, – удовлетворенно качнул головой барон, утирая платком разбитое лицо, – очень хорошо...

Глава 3

Эта комната называлась «красной гостиной» и не нравилась женщине. Хотя была очень красиво обставлена, мебель делали на заказ, и она бы удовлетворила самый изысканный вкус. Но, возможно, как раз изысканности всю жизнь и не хватало дочке французского моряка и простой неграмотной итальянки. Она умела носить дорогие платья и правильно обращаться со столовыми приборами, читала, писала, играла на нескольких музыкальных инструментах и великолепно пела... Но все же ловчее всего ее хрупкие руки с тонкими аристократическими пальцами справлялись с починкой рыбацких сетей и штопкой чулок.

Сочетание бордового лионского бархата с позолотой и темным деревом слишком живо напоминало ей вычурную роскошь фамильного замка Кастильяно в Толедо, который принадлежал ее мужу, жестокому человеку и грешнику, и ту страшную ночь, когда она, Беатрис, и ее слуга, Ухо, чуть не погибли – все то, что она хотела, но не могла забыть.

Она распустила завязки плаща и сбросила его на низкий столик. Молчаливый слуга, брат Джакомо, зажег свечи и, не говоря ни слова, вышел. Женщина до сих пор не знала, немой он или просто молчун... Или имеет прямой приказ не открывать рот без крайней нужды.

Однако одиночество Джованны длилось недолго. В комнате, по своему обыкновению без стука, появился тот, кого она даже в мыслях старалась называть только «Лоренцо».

Он смыл грим – и сразу помолодел лет на двадцать. А сколько ему на самом деле? Джованна этого никогда не знала, как не знала и его настоящего имени.

Лоренцо избавился не только от грима, но и от старческой сутулости, выпрямился, разминая плечи. Джованна со странным удовольствием смотрела, как под белой сорочкой из тонкого полотна мощно, красиво и пугающе перекачиваются литые мускулы. Лоренцо внезапно обернулся и перехватил ее взгляд.

– На моих глазах совершается волшебство Медеи, – с улыбкой пояснила Джованна.

Лоренцо пожал плечами.

– Думаю, путешествуя со мной, вы видели достаточно чудес, чтобы не удивляться примитивным способам камуфляжа.

– О да, – кивнула женщина, – чудес я насмотрелась. Но, сдается мне, как раз вас *настоящего* я и не видела.

– Это было бы не то зрелище, которое я бы хотел вам показать.

Джованна вскинула брови, но тотчас поняла, что объяснений не будет.

– Я отчего-то не хочу спать, – задумчиво произнесла она.

– Вам беспокойно?

– Нет. Мне хорошо. Вот только спать совсем не хочется. Вы уже продумали, что мы будем делать дальше? В связи с этой странной смертью в саду?

Лоренцо кивнул, не отводя взгляда от плывущего язычка пламени свечи.

– Будем собирать информацию. Кто владеет информацией, тот владеет миром. – Он игриво прищелкнул пальцами. – Пока с уверенностью можно сказать только одно: в доме Сесила новый «Запечатанный узел». Их «Тайную вечерю» я видел своими глазами, значит, сведения можно считать достоверными. Но то, что случилось с посланцем, было для них неожиданностью, готов поклясться. Так что первый ход в игре сделал неизвестный. И это был сильный ход. Завтра мы ему ответим. Ход за ходом и, глядишь, через пару недель мы с ним познакомимся, – Лоренцо неожиданно подмигнул женщине. Она невольно улыбнулась.

– Наш ход тоже будет сильным?

– Посмотрим. С одного хода партию не выиграть. А демонстрировать свою силу иногда не слишком разумно. Жизнь – игра. А политика – это очень серьезная игра. Министр иностран-

ных дел играет с королем Яковом, Его Святейшество – с Луи, для отца Витторио весь мир – шахматная партия. Не сыграть ли и нам с тобой в игру королей?

С этими словами Лоренцо сбросил на пол ее плащ, легко передвинул массивный столик, расчерченный черными и белыми клетками, и опрокинул над ним ящичек с тяжелыми фигурами из слоновой кости и эбенового дерева.

– Я опять проиграю, – заметила Джованна.

– Очень хорошо, – кивнул ей мнимый супруг, – проигрывая, учишься побеждать. Ты играешь белыми, так что – начинай.

Так, незаметно, они перешли на «ты».

* * *

Говоря о политике, как о большой игре, Лоренцо ничуть не кривил душой. Но эта поэтическая метафора имела и другой, буквальный смысл. И если во дворце лорда Хэя на Стрэнде собирались сливки общества, то его правая рука, виконт Каслри, коллекционировал лучшие умы Лондона. Делал он это весьма оригинальным способом. Двери его особняка на Кинг-стрит открывались каждый вечер для тех... кто был не прочь составить партию в карты. Этим обществом, весьма и весьма избранным, казалось, никто не управлял, никто не заботился о том, чтобы гости не скучали и не чувствовали неловкости. Сам хозяин появлялся среди гостей далеко не всегда, но это никого не удивляло. В просторном зале, за столиками, покрытыми зеленым сукном с вьевшимися меловыми крошками, встречались представители таких древнейших родов, как Фулборны и Уинтерингемы, коммерсанты, сделавшие состояния на колониальной торговле, поэты и драматурги, чиновники, офицеры и даже – о ужас! – артисты. Здесь как-то не принято было морщить нос и мериться чинами или предками. За зеленым сукном ценились раскованный ум, свежий взгляд на вещи, независимость суждений и, конечно, доступ к последним новостям: политическим и светским. Этот своеобразный клуб, как и баня, уравнивал многих, пусть и на короткий промежуток времени...

За столиками у виконта играли не только в покер. Здесь велись и другие игры, не такие безобидные. На кон ставилась политика Европы, а за партией следили полномочные послы и люди менее официальные, но не менее внимательные. Хозяин дома хотя и редко выходил к гостям, не был таким легкомысленным, чтобы оставить совсем без присмотра такую интересную компанию. Каждый лакей, кроме своих непосредственных обязанностей, имел еще одну должность, и тот, кто справлялся с ней плохо, на службе у виконта не задерживался. Холеная рука аристократа обладала поистине железной хваткой.

К слову, большинство завсегдатаев не имели ни малейшего понятия о «подводных течениях» в доме на Кинг-стрит, а ценили лишь отличный стол и превосходную компанию. К их числу относился и гвардейский офицер Питер Дадли. Молодой дворянин не слишком любил карточные баталии, хотя за столиком держался вполне уверенно. С виконтом их связывало давнее приятельство и поистине несчастное стечение обстоятельств: женщины, которых выделял Каслри, обычно предпочитали его молодого друга, а те, кто нравился Дадли, как назло, предпочитали виконта. Впрочем, в сугубо мужском обществе, которое собиралось на Кинг-стрит, это обстоятельство не имело значения.

Каслри и в этот раз не счел нужным почтить общество своим присутствием, но свет в окне на втором этаже, в левом крыле дома, говорил о том, что хозяин на месте и, как всегда, с головой погрузился в государственные дела. Дадли поднялся наверх, уверенно отстранив лакея, постучал в один из кабинетов и услышал ожидаемое «войдите».

Каслри был не один. В низком кресле, напротив окна, почти спиной к двери сидел гость. Дадли никогда раньше его не видел.

– Питер Дадли, граф Шрусбери, – негромко произнес Каслри, представляя его гостю, – мистер Родерик Джеймс Бикфорд, баронет.

Машинально Дадли отметил развернутые плечи, непринужденную позу незнакомца и внимательные зеленые глаза на жестком лице. Бикфорды были неизменными банкирами Стюартов со времен Марии Шотландской.

Повисла долгая пауза, и Дадли понял, что прервал важный разговор. Вежливость требовала покинуть комнату, но с недавних пор все, что касалось правящей династии, касалось Дадли лично. Так что молодой офицер непринужденно опустился в кресло напротив, сделав вид, что не понял молчаливой просьбы удалиться.

– Вы носите фамилию, которая в Британии, да и не только, звучит громче иных титулов. Как случилось, что мы не были знакомы раньше?

– Очень просто, – пояснил тот, – я несколько лет пробыл в колониях. Вернулся буквально на днях.

– Его величество уже не сердится на тебя? – неожиданно спросил хозяин кабинета. – Ведь он пожаловал тебе титул. Значит ли это, что король тебя простил?

Бикфорд досадливо поморщился и шевельнул плечами, словно камзол был ему тесен.

– Во время трехминутной аудиенции Его Величество ничем не дал мне понять, что помнит то давнее происшествие. Кому другому я бы сказал: «прошлое минуло». Но ты, Руперт, слишком умен, чтобы проглотить мое кое-как состряпанное баронетство. И тебе, как никому, должно быть известно, что Яков Джеймс Стюарт Второй не умеет прощать.

После этих чересчур откровенных слов в кабинете воцарилась неловкая тишина.

– Простите, если я неправильно понял... – Дадли замялся, подбирая слова, – но ваше неожиданное признание невольно дало мне право предположить, что... между вами и Его Величеством существуют разногласия?

– Мое отношение к королю, – ответил Бикфорд, – это отношение лояльного подданного. Я не католик, разумеется, но я и не глупец. Любой хоть немного думающий человек скажет, что только Мария Модентская и родственные узы, связывающие Якова с Луи, удерживают нас от войны с Францией.

– Англия сильна. Она выиграет эту войну, – заметил Дадли. – Вы сомневаетесь?

– Я бы дорого дал, чтобы ошибиться... – Бикфорд помолчал немного и тихо, почти про себя, договорил: – Но вряд ли эта война будет последней.

– Питер, а ты не хотел бы сыграть? – голос Каслри ворвался в нестройный хоровод мыслей, и молодой офицер осознал, что его тактично выпроваживают. Ему ничего не оставалось, как встать и откланяться. Уже на пороге он учтиво спросил:

– Надеюсь, мистер Бикфорд присоединится ко мне за столом?

– Не надейся, – отозвался Каслри и впервые улыбнулся. – Родерик по-мелкому не играет... – Ну? – обернулся он, едва дверь за молодым офицером захлопнулась, и шаги его стихли в глубине коридора. – Что у тебя за головная боль? Ради Всевышнего, не пытайся разыгрывать недоумение. Твое каменное лицо хорошо за карточным столом, а не в этом кабинете. Мы оба уже напустили достаточно туману, так может, стоит внести толику ясности?

– Ты о чем? – мягко поинтересовался Родерик, потирая подбородок.

– Ты пытался что-то вытянуть у меня. Не отпирайся. Я занимаюсь тем же самым большую часть жизни, и умею распознать, когда за нос водят меня. Может быть, откроешь карты?

– Извини.

– Значит, опять промолчишь. Ну, хорошо, хорошо, – Каслри шумно выдохнул и движением скорее усталым, чем нервным, промокнул лоб, – ты упрям, как король всех быков, и у меня нет сил с тобой спорить. Что ты хотел узнать? Я отдам тебе информацию бесплатно, если она не составляет государственной тайны. Только спрашивай прямо. Малейшая попытка вильнуть – и мое обещание аннулировано.

Родерик негромко рассмеялся.

– Браво! Ты и в самом деле ас. Я должен открыть свои карты безо всяких обязательств с твоей стороны, даже без обязательства молчать?

– Ты знаешь, я молчу и без обязательств. Должность у меня такая. Если я распушу язык, мне его мигом привяжут пеньковым галстуком.

– Не горячись, Руперт. Все очень просто и одновременно очень сложно. Ответь мне... Это, конечно, государственная тайна, но, поверь, я спрашиваю не из простого любопытства, и дальше меня твои слова не уйдут. Скажи... как обстоит дело с... венецианской разведкой?

Несколько мгновений Каслри созерцал жесткое лицо своего приятеля в полнейшем безмолвии. Он был удивлен... Но, пожалуй, не слишком.

– В полном порядке, как же еще, – неожиданно рассмеялся виконт, – чтоб мне жалование выплачивали так же регулярно, как Черный Папа поставляет в Англию шпионов. Но с этим ничего не поделаешь. Король любит отцов-иезуитов, и у меня связаны руки.

– Все так плохо?

– Глупый вопрос. Если бы все было хорошо, в кресле секретаря Сесила сидел бы не старый дурак Каслри, а какой-нибудь новоявленный герцог Сомерсет. Он надувал бы щеки и делал долги, а государственные дела шли бы своим чередом, сами по себе, как в старые добрые времена при веселом короле Карле. Но если королю вдруг понадобились рядом с тронном умные люди – пиши пропало. Ты что-то знаешь, я чувствую это кожей. И знаешь наверняка, так, словно какая-нибудь пифия открыла тебе будущее. Я не спрашиваю – откуда. На такие вопросы не отвечают даже под пыткой. Но, может быть, по старой дружбе, подскажешь хотя бы, в какую сторону мне смотреть?

– Лучше всего во все четыре. А еще вниз и вверх, – серьезно посоветовал Родерик и вдруг улыбнулся неожиданно тепло, – не бери в голову, Руперт. До поры до времени я побуду твоим личным флюгером и подскажу направление ветра.

– А взамен? – быстро спросил Каслри.

– Немного, – успокоил его Бикфорд, – в самом деле – немного. Я ведь, как ты знаешь, никогда не зарывался.

* * *

Питер Дадли пересчитал выигрыш, стараясь быть невозмутимым, но, видимо, старался плохо. Лохматые усы его соседа, сэра Блейкни, подозрительно подрагивали, готовые выдать добродушную улыбку, свойственную старикам, которые еще не забыли своей бурной молодости и поэтому снисходительны к молодым.

Противник Дадли лишь пожал плечами, принимая свой проигрыш с достойным безразличием. В начале игры Дадли пытался рассматривать этого немолодого человека, одетого дорого и со вкусом, стараясь определить, какие карты сдала ему леди Удача, но почти тотчас бросил это занятие. Потребовалось совсем немного времени, чтобы понять – этот человек не скрывал свои эмоции. Он их попросту не испытывал. Игра не горячила ему кровь, не будоражила. Зачем он тогда приходил играть?

Право, они с напарником стояли друг друга. Тот тоже не отреагировал на удачу Дадли, словно почти триста фунтов не стоили того, чтобы его сиятельство хотя бы пожал плечами. Дадли мысленно рассмеялся: Фоултон всегда был снобом, и сам Всевышний благословил его слегка раздеть. Дурное настроение, с которым Питер покинул кабинет виконта, понемногу рассеивалось, и он не заметил, как всерьез увлекся игрой.

За этим столом играли вдумчиво и серьезно, без улыбок и забавных словечек, прости-тельных в кружке чиновников, но здесь считавшихся «дурным тоном». Впрочем, в их молчании не было ничего тягостного для Дадли. Напротив, оно помогало сосредоточиться на игре. В

самом начале к нему пришла «большая коронка»⁹ и он «сыграл пять»¹⁰. Граф Блейкни слегка прищурился, кивнул, но лишнего туза так и не показал, в результате чего у Дадли, совершенно неожиданно, сложился «маленький шлем»¹¹.

Судьба явно благоволила Питеру в этот вечер. Следом за первым выигрышем пошли «полные масти»¹². Дадли, помня о коварстве судьбы, назначил «четыре»¹³, но лохматые усы Блейкни поощрительно дрогнули, и, открыв прикуп, Дадли обнаружил там червового короля. Это был совершенно определенный Знак. Словно в насмешку над его недоверием леди Удача сыпанула ворохом «двоек» и «троек». Римский нос Фоултона подозрительно дернулся, но Дадли уже не видел римского носа. К нему пришло то странное состояние, о котором завзятые игроки слагают легенды, но которое мало кому удавалось испытать на себе. «Тузы» и «короли» шли, словно привязанные, и Питер поймал себя на том, что уже не обдумывает ходы, назначая игру, открывает прикуп без душевного трепета, словно заранее знает, что найдет там все нужные карты. И карты действительно были там.

Оба лорда, забыв о неписаных правилах, обменялись недоуменными взглядами, но тотчас уткнулись каждый в свои карты.

Четвертый игрок, о котором Питер ничего не знал, и знать не хотел, с самого начала игры дисциплинированно и осторожно выбрасывал «семерки» и «восьмерки», и в конце концов на него перестали обращать внимание.

После очередной сдачи Питер, уверенный в благосклонности судьбы, заглянул в свои карты и почти не удивился, увидев почти все пики, начиная с короля.

Он объявил игру ровным голосом и посмотрел на партнеров поверх карточного веера. Усы Блейкни вели себя спокойно, а римский нос был безмятежен. Настолько безмятежен, что сердце Питера тяжело толкнулось в ребра, в предчувствии небывалой удачи.

Внезапно Дадли прошиб холодный пот. Он сообразил, что совершенно не помнит, сколько раз поднимал ставку, и не может даже приблизительно подсчитать, сколько на кону.

Тонкая кисть Фоултона, выглядывающая из белоснежной манжеты, шевельнулась. Питер потерялся, следя за этой рукой. Пламя свечи мигнуло, возвращая его к реальности. В это время римский нос улыбнулся. Непонятно, как он это сделал – губы Фоултона оставались каменно сжатыми, но нос явно улыбнулся.

– Вам сегодня поразительно везет, юноша, – проговорил Фоултон. Он бросил на стол свои карты мастями вверх и с наслаждением откинулся на спинку кресла, – выигрыш ваш.

– Простите, – неожиданно подал голос четвертый джентльмен, тот, что на протяжении всей игры почти не подавал признаков жизни. Питер вздрогнул, словно вдруг вздумал заговорить массивный ореховый стул.

Мужчина поставил бокал шампанского, который держал весь вечер но, как с опозданием осознал Дадли, не осушил и до половины, и неторопливо открыл на столе трефы и черви от туза до десятки, бубновый туз с королем и, с тихим щелчком, словно припечатав, выложил туз пик.

Это был «Большой Шлем»¹⁴.

В глазах у Дадли потемнело, кажется, он даже качнулся, но римский нос неожиданно оказался рядом и поднес спасительный бокал вина. Дадли осушил его залпом. И если бы ему протянули полную бутылку, он и ее опорожнил бы в четыре глотка, как в казарме. Видимо,

⁹ Группа карт, идущая подряд в какой-либо масти от туза.

¹⁰ «Рука» из пяти карт, включающая туза.

¹¹ Пять карт одной масти.

¹² Старшие карты.

¹³ Четыре карты одного ранга.

¹⁴ Наивысшая комбинация в покере.

«нос» прочел его мысли. Он щелкнул пальцами, и услужливый официант со своим подносом вырос, словно из-под земли.

Но Дадли уже справился с собой и решительным движением отвел руку Фоултона.

– Сколько я вам должен? – Питер остановился в затруднении. Он понял, что не знает имени человека, который сейчас держал в руках его честь, а возможно, и жизнь.

– Барон де Сервьер, – отвечивал тот, – вы должны мне ровно шесть тысяч фунтов.

Синие глаза были холодны. А в голосе... С внезапным потрясением Дадли осознал, что весь вечер удивляло его в этом человеке: в его голосе была скука.

– Боюсь, у меня не найдется при себе такой суммы, – произнес Питер, с ужасом вслушиваясь в собственные слова, в их спокойный, ровный тон. При себе не найдется! Такой суммы у него не найдется не только при себе. Он не соберет ее, даже если вдобавок к своему секретеру, обшарит бумажники всех своих друзей.

– Ничего страшного, граф, – тем же скучающим тоном произнес француз. – Мы все – люди чести. Я снимаю дом на Риджент-стрит и по утрам всегда у себя. Ваш посыльный может принести деньги в любой удобный для вас день.

– Благодарю, барон. Я не заставлю вас ждать.

На негнущихся ногах Питер вышел из зала и миновал приемную. Лакей кинулся к дверям, в надежде получить чаевые, и не был обманут. Дадли сунул ему в ладонь какую-то мелочь, потом мрачно рассмеялся и, вытряхнув в руки лакея все портмоне, стремительно шагнул за двери, прочь из этого дома. Лакей, честный малый, не успел его остановить.

Куда его несли ноги, он не сказал бы, даже стоя под планкой виселицы. Даже если б за правильный ответ обещали помилование.

Он то медленно брел, то почти бежал, звонко стуча по мостовой каблуками, и этот стук отчего-то пугал его и вызывал странный, мрачный смех, похожий на смех безумца.

Темными серыми спинами поднимались дома. Тихим, приглушенным и каким-то неприличным, вульгарным хихиканьем вторила Питеру жесткая осенняя листва вязов. Вдруг, неизвестно откуда, прорывался клочок неба, разрезанный островерхой крышей, а в грязной луже, слепя глаза, смеялась нахальная желтая луна.

Дробного стука конских копыт по булыжной мостовой Дадли не услышал. Карета появилась словно ниоткуда, надвинулась темной массой, разом поглотила улицу, кривую крышу, темное небо с рваными серыми облаками, рыжеватую луну. Питер не успел испугаться, только подумал почти весело: «Ну, вот и все. Как просто!».

Потом у самого лица очутилась лошадиная морда с испуганными глазами, и страшный удар опрокинул его навзничь.

* * *

Виконт Каслри, секретарь Лорда Сесиля Хей, по распоряжению своего патрона, отдал приказ немедленно перекрыть все дороги, ведущие из Лондона, в том числе и порт на Темзе. Поднятый по тревоге шестой драгунский полк поэскадронно расходился из казарм.

Их красные шлыки на черных меховых шапках развивались на ветру, когда они проносились по пустым улицам Сити. В предрассветный час город еще не проснулся, а посему продвижению эскадронов ничто не мешало. Вскоре красные мундиры драгун исчезли за поворотами дорог на Дувр, Портсмут, Йорк и даже на далекий Кардиф... Преступник мог оказаться кем угодно, он мог избрать любой способ скрыться или покинуть страну. За порты Каслри был спокоен. Курьеры под надежной охраной уже унеслись к комендантам портов, так что Лорд Хей мог быть доволен, ни одна посудина не покинет Англию. Мера была вынужденная, но необходимая, да к тому же весьма действенная – это было известно еще со времен Кромвеля, когда сотни роялистов именно в портах попали в сети республиканцев.

По римской северной дороге ехал всадник в кожаном темно-коричневом колете. Поверх него был накинут черный плащ, а голову прикрывала широкополая шляпа с серым и весьма потрепанным пером. Всадник, казалось, не спешил, но это была скорее вынужденная необходимость. Лошадь устала и жадно хватала воздух ноздрями, с шумом выпуская клубы пара. Человек откинул полу плаща и поправил коричневую перевязь, на которой висела шпага в добротных ножнах.

Солнце поднималось все выше и выше. Всадник тревожно оглядывался по сторонам, время от времени привставая в стременах. Дорога, мощеная камнем, была широка и пустынна, но всадник знал, что вскоре к Лондону потянутся крестьяне, купцы, пилигримы, паломники...

Человек скривил губы. В сущности, сейчас для него многое было неважно – главное в своей жизни он уже совершил. Его глаза вдруг заблестели вновь, как тогда, в Лондоне, когда он увидел своего врага. Память вернула его на несколько часов назад – та встреча была так внезапна, что Питер Фрай ощутил восторг. Долго, слишком долго он ждал этой встречи. Месть холодила сердце, травила душу и не давала спокойно жить. О Боже! Питер был счастлив тогда. Его враг не заметил слежки, а он шел за ним с надеждой на месть. И все остальное, мелочное, померкло, отступило... Питера не остановило даже то, что этот мерзавец вошел в дом самого Лорда Хея...

Он настиг его в саду и дал шанс. Это было бы низко убить втихую. Фрай позволил ему защищаться. Бой был жарким и стремительным, и фортуна на этот раз улыбнулась Питеру. Месть свершилась, подлец был мертв!

Эти сладкие воспоминания вдруг оборвала острая боль. Рана в бедре, в сущности, была пустячной, но причиняла определенные неудобства. Питер сжал зубы и потуже затянул повязку – слава Богу, кровь перестала течь...

Всадник обернулся и посмотрел в сторону оставшегося позади Лондона. Именно оттуда он ждал неминуемую опасность, но чувства обманули его. Конный разъезд показался впереди, их было пятеро. Бежать на усталом коне было бессмысленно и Питер решил рискнуть. Вряд ли его кто-то видел в саду у Хея, но даже если и видел, словесный портрет не мог так быстро разойтись по патрулям. Хотя...

– Стой! – скомандовал офицер, едущий впереди разъезда. – Кто таков?

– Питер Фрай, – честно признался молодой человек, – из Лестера.

Двое солдат дернули поводьями объехали путника справа и слева.

– Откуда едешь? – продолжил допрос офицер.

– Из Оксфорда.

– Через Лондон...

– Нет, господин офицер... я сразу на Йоркскую дорогу свернул.

– Сэр, – подал голос один из солдат, – у него лошадь в пене, сэр.

– Торопился, стало быть? – прищурился офицер, и Питер заметил, как его рука легла на седельный чехол, откуда торчала рукоять пистолета.

Беглец тут же вспомнил про свой пистоль, который был подвешен под рукой и сейчас был прикрыт плащом.

– Так ночью ехал, сэр... а ночью, сами знаете, не безопасно... всякое может быть, вот и гнал.

И тут проклятая рана резанула по нервам, и лицо Питера исказила гримаса боли. Рука машинально потянулась к бедру.

– Эй! – окликнул солдат. – Что там у тебя?

– У него кровь! – разглядел другой. – Сэр, у него кровь!

– Так ты ранен? – сдвинул брови офицер. – А ну-ка, ребята, берите его и...

Питер не дал ему договорить. Прильнув к шее лошади, он быстрым движением извлек пистолет, взвел курок и нажал на него. Выстрел выбил офицера из седла и окупал место встречи

легким дымком. Питер не замедлил воспользоваться пистолетом еще раз. Перехватив его за дуло, он, не раздумывая, ударил ближнего солдата по голове. Вышло не очень, рукоятка лишь скользнула по фетровой шляпе и немного ободрала лицо. Солдат шарахнулся в сторону. А затем Фрай запустил пистолетом в другого солдата. Оружие перевернулось пару раз в воздухе и угодило лошади в ухо. Бедное животное испугалось и, мотнув головой, сорвалась с места.

– Хватай его...

– Руби его...

– Гарри, стреляй!

Питер пришпорил коня, на ходу извлекая шпагу. Всего несколько метров отделяли его от солдата, и Питер, проносясь мимо него, хлестнул всадника по лицу. Клинок шпаги рассек вояке кожу, тот бросил поводья и, зажав рану обеими руками, взвыл как раненый зверь.

Беглец активно понуждал коня и гнал, гнал... наконец, он через плечо кинул взгляд назад и удивился – погони не было.

«Спасибо, Господи! – воздел он глаза к небу и вновь пришпорил коня».

Глава 4

– И все-таки Индия... Пряности? Черное дерево? Слоновая кость? – взглянув на старинного приятеля, Адам Джеймс Бикфорд улыбнулся. – Коммерческая тайна? Я понимаю. И верю вам. Дело, которое начинаете вы, как правило, приносит неплохую прибыль. Но отчего Дэвисон все же отказал в кредите?

Альфред Нортон с досадой поморщился:

Просторный кабинет старшего Бикфорда через распахнутое настежь окно заливали прямые солнечные лучи. У окна стоял молодой человек. Молодой по меркам обоих пожилых джентльменов. Сыну Адама Бикфорда шел уже четвертый десяток.

Приемному сыну. Родные сыновья Бикфорда погибли много лет назад, а потом странная лихорадка унесла жизнь его жены, Алекс. В живых осталась лишь дочка, Эдит. Деловой мир Англии ждал, что Бикфорд снова женится или объявит своим наследником жениха дочери. Но он поступил иначе. В одном из своих плаваний Адам спас юношу. И усыновил его. И сделал наследником, вопреки тому, что Эдит благополучно вышла замуж за весьма достойного джентльмена, и тот, конечно, ждал, что именно ему достанется торговая компания Бикфорда.

Говорили, что разозленный этим обстоятельством супруг стал вымещать свое раздражение на Эдит. И однажды она не выдержала. Что тут было правдой, а что домыслами – неизвестно. Дочь Бикфорда похоронили на кладбище как жертву несчастного случая. Взял ли священник грех на душу, или же в ее смерти не было ничего загадочного, и молодая женщина в самом деле случайно упала в воду и утонула?

Приемыш Бикфорда был хорош собой, умен, богат и холост, что для Адама было причиной постоянного недовольства.

Родерик стоял спиной к гостю, смотрел в окно на залитую солнцем лужайку и, зная себе, помалкивал, хотя по нему не было заметно, что молодой человек скучает или тяготится своим присутствием здесь.

– Это – дело семейное, – неохотно ответил Нортон, – оно не имеет никакого отношения к моей кредитоспособности, даю слово. Если моего слова недостаточно, я готов поклясться на Библии. Я – человек верующий.

– Что скажешь, Родерик? – Бикфорд старший поднял голову от бумаг и взглянул на сына. Словно почувствовав этот взгляд, Родерик обернулся. Жесткое лицо его было бесстрастным, но внимательный наблюдатель заметил бы, что на гостя он старается не смотреть.

Молодой человек невыразительно пожал плечами.

– Клятва на Библии это, конечно, серьезно, – произнес он, – но я бы предпочел ревизию бухгалтерских книг. Впрочем, ваша кредитоспособность, действительно, вне подозрений. Во всяком случае – пока.

– Что вы хотите сказать, мистер Бикфорд? – осторожно поинтересовался Нортон, – ваше «пока» очень красноречиво.

– Пока вы еще здесь, а не в Ньюгейтской тюрьме, и ваше имущество не конфисковано в пользу казны, – все так же ровно ответил младший Бикфорд, глядя мимо гостя.

Тот побледнел.

– Что означают ваши слова? Это оскорбление или?.. – Нортон не договорил.

– Объяснись, сын, – мягко потребовал Бикфорд старший.

– Сегодня ночью арестован капитан брига «Синий цветок» Харди Мак-Кент. Бриг принадлежит нашему гостю. Во время ареста был произведен и обыск, но никаких документов при капитане не нашли. Видимо, тот успел их уничтожить или переправить адресату. Впрочем, мистер Нортон не хуже нас знает содержимое своей переписки.

Без звука Альфред опустил в кресло.

– Харди арестован? Но как?

В темных глазах Бикфорда-старшего мелькнуло недоумение. Он открыл было рот, но тут же закрыл его. А что тут можно было сказать?

– Я допускаю, что вас еще не поставили в известность об этом происшествии, – все тем же скучающим тоном произнес Родерик, – арест был произведен втайне, что уже само по себе говорит о многом.

– Но, если так... откуда об этом стало известно вам? Эти сведения достоверны? – спросил Нортон.

– Как календарь.

– Харди арестован, – растерянно повторил Нортон, – но почему?

– Бог мой, Альфред, неужели твои капитаны промышляют контрабандой? – воскликнул Бикфорд-старший, к которому наконец вернулся дар речи. Нортон заметил, что Адам ни на йоту не усомнился в словах приемного сына.

– Боюсь, отец, дело тут не в контрабанде. – Родерик обвел обоих джентльменов серьезным взглядом. – Контрабандисты не сжигают судовой журнал на глазах у изумленной публики, рискуя вызвать законное любопытство властей. Бриг «Синий цветок» неоднократно совершал рейсы из Англии в Голландию. Конечно, эти рейсы могли быть исключительно коммерческими, но на месте судьи я бы первым делом задал себе вопрос: зачем уничтожать судовой журнал, если тебе нечего скрывать и твой рейс преследовал вполне невинные цели? Думаю, я бы не слишком долго искал ответ.

В молчании, воцарившемся вслед за этими словами, стало слышно, как жужжит большая муха, залетевшая в окно кабинета. Пригретая уходящим теплом она, видимо, решила, что вернулось лето. Нортон смотрел на нее как зачарованный.

– Полагаю, это сообщение ставит крест на вашем «индийском» проекте, – произнес Бикфорд-младший. – Что бы там не произошло с вашим капитаном, до выяснения всех обстоятельств дела ни один ваш корабль не покинет пределов Англии. Это – распоряжение виконта Каслри.

Адам стремительно повернулся к приятелю:

– Во что вы хотели меня впутать, Альфред? – сдавленно спросил он. Глаза его нехорошо сощурились, пряча холодное бешенство.

Нортон ничего не слышал. Он сидел неподвижно, уронив лицо в ладони.

– Я погиб, – едва слышно произнес он, – все кончено.

– Ну, я бы не стал так оценивать ваше положение.

Оба пожилых джентльмена посмотрели на Родерика одновременно и с одинаковым вопросительным выражением в глазах. Как не странен был миг, но Родерик позволил себе улыбнуться.

– Судовой журнал уничтожен, – повторил он, – Мак-Кент будет молчать даже под пыткой. А за домыслы и подозрения у нас, слава Всевышнему, не вешают. Если арестом вашего капитана все закончится, думаю, самая большая неприятность, которая вас ждет, это разорение от приостановки торговых операций. Бедность, конечно, вещь не слишком приятная, но лучше, чем эшафот.

Альфред Нортон поднялся из кресла, повернул голову и встретил тяжелый взгляд Адама.

– Мне не стоило приходить сюда, – тихо проговорил он, – меня извиняет лишь незнание последних событий. Больше я не потревожу вас, Адам. И вас, господин Родерик. Пойду обрадую дочь. Ее свадьба, скорее всего, отменяется.

Нортон не успел сделать и шагу.

– Как? – выстрелил голос Родерика, – разве ваша дочь еще не замужем? Я видел ее на балу у лорда Хэя и решил, поскольку ее сопровождал мужчина, а не компаньонка...

– Ирис – не аристократка. К тому же это был домашний бал Сесила, и мы с милордом Эльсвиком решили, что некоторое нарушение условностей нам простят, – пояснил Нортон, – и... и... я понятия не имел, что вы знакомы с моей дочерью.

Отец и сын переглянулись. Этот обмен взглядами был настолько мимолетным, что гость, погруженный в себя, ничего не заметил.

– У вас есть шанс отправить корабли в Индию, – проговорил Родерик медленно и веско. Впрочем, такой тон был излишен, Нортон и так ловил каждое слово.

– Ваши корабли выйдут в море, подняв личный вымпел семьи Бикфорд... – И, так как гость все еще смотрел на него непонимающим взглядом, Родерик пояснил: – Если ваша дочь станет моей женой. А ваши корабли отойдут к нам, как ее приданое.

Кадык Бикфорда-старшего судорожно дернулся. Он смотрел на сына во все глаза, потрясенный не столько долгожданной женитьбой, сколько бесцеремонностью, с которой приемыш только что за одно мгновение ограбил до нитки его старинного приятеля и увеличил состояние семьи в полтора раза. Пожалуй, с выбором наследника он не ошибся. С ним компании не грозило банкротство. Адам Бикфорд поймал себя на том, что восхищается сыном.

– Девушка помолвлена, – только и нашелся он, – не шокируем ли мы ее таким предложением?

– Девушка будет шокирована больше, если окажется в тюрьме по обвинению в государственной измене, – бросил Родерик, к которому опять вернулся его скучающий тон. – В моих силах избавить от крупных неприятностей ее – и вас, господин Нортон. И если вы боитесь разговора с дочерью, я готов взять эту миссию на себя.

Когда Нортон ушел, в кабинете Бикфорда довольно долго стояло молчание. Бикфорд-старший задумчиво смотрел прямо перед собой. Родерик не шевелился. Потом отец позвонил в колокольчик и приказал принести чай.

– Это большой риск, – заметил он перед чаем, наливая немного молока в большую чашку, чтобы тонкий фарфор не дал трещину. – Ты уверен, что опала, в которую попали Нортон, не распространится на нас?

– Уверен, что распространится, – спокойно произнес Родерик. – Поэтому тебе, отец, нужно на время уехать из страны. Лучше всего – в колонии.

– Не понимаю...

– Ты всегда доверял мне, – напомнил Родерик, – даже тогда, когда я рассказал тебе историю, которой не поверил бы никто другой. Я тогда был потрясен этим. Честно говоря, я до сих пор удивляюсь.

– То, что ты «провалился» сюда из будущего? – переспросил Адам, – Господь может творить чудеса, которые мы не можем не то что повторить, но и осмыслить. Это так. У тебя был прямой и честный взгляд. И потом... ты знал то, чего не может знать никто, и не знал многих вещей, которые обязан был знать любой мальчишка. Я поверил тебе... и верю сейчас. Что ты задумал?

– Там, у себя... я получил хорошее образование. В курс обучения входила история.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Дни Якова Стюарта сочтены. Власть возьмут принц Вильгельм и Мария. И нам нужно подсутиться, чтобы оказаться на стороне победителей.

– Это невозможно, – в безмерном удивлении проговорил Адам Бикфорд, – ты уверен?

– На сто процентов. Верь мне, отец. Как всегда верил. Ты об этом не пожалеешь, обещаю.

– А как же ты? Ты тоже отправишься в колонии?

– У меня еще есть здесь дела, – уклончиво ответил Родерик, сделав первый глоток из своей чашки.

– Тот странный человек на балу? – догадался Адам. – Сынок... лучше бы тебе с ним больше не встречаться.

– Ты что-то знаешь? – быстро спросил Родерик, внимательно взглянув на приемного отца.

Адам покачал головой.

– Разве что догадываюсь.

– Не поделишься?

– Если б я знал точно... Мои догадки слишком абстрактны, а твоя жизнь и в самом деле в опасности, и это очень конкретно. Прими совет старшего – уезжай. Так будет лучше для всех.

– Уехать – и не узнать, за что меня хотели убить? Шутишь?

– Отговаривать тебя бесполезно, – вздохнул Адам.

– Вот и не отговаривай. Пей свой чай. Я знаю, что делаю. Не беспокойся обо мне, отец.

* * *

Родерик в задумчивости спускался по лестнице, когда его окликнул знакомый голос:

– Милорд.

Ну вот, подумал Рик, еще на прошлой неделе был просто господин. Герцог и даже король могут пренебречь титулами, но чтобы это сделал лондонский лакей – свет должен перевернуться. Теперь быть ему милордом до страшного суда.

– Я слушаю, Лукас.

– Милорд, – лакей был уже немолод и, как смутно припоминал Рик, служил здесь уже второй десяток лет. Во всяком случае, Лукас появился в этом доме раньше, чем он, – думаю, что я мог бы немного прояснить для вас ситуацию.

– Какую ситуацию? – не понял Рик.

– Тот человек, который пытается вас убить... Он еще сказал, что вы виновны в смерти какой-то женщины.

Рик мгновенно развернулся на три румба. И скучающее выражение лица слетело, и глаза вспыхнули.

– А ты откуда об этом знаешь?

Лакей, казалось, смутился.

– Прислугу обычно не замечают, милорд, – поделился он, – думаю, в тот вечер и ваш отец, и господин министр, лорд Хэй, были абсолютно уверены, что они одни, и их разговора никто не слышит. А чай и сигары появляются в кабинете сами по себе.

Рик усмехнулся.

– Продолжай, – поощрил он лакея и достал пятифунтовый билет. Лукас стрельнул по нему глазами и тут же перевел взгляд на господина Бикфорда. Но заметно приободрился.

– Думаю, речь идет о той девушке, которую повесили лет семь назад... или пять? По доносу вашего отца.

– По доносу Адама? – изумился Рик. – Уверен, что это полнейшая чушь. Зачем отцу писать доносы?

– Чтобы спасти вашу жизнь.

– Постой, – Рик задумался, – женщина... Это, часом, не Мишель Эктон?

– Имени я не знаю, – сказал лакей, – но повесили ее за шпионаж в пользу Франции. Так сказал Сесил.

– Значит, не она. Мишель не повесили, она сбежала...

– Вам сказал об этом отец? – спросил Лукас. – Простите, милорд. Он очень огорчился в тот день, что пришлось впервые в жизни обмануть сына.

...Вот, значит, как. Спасибо, папа. Коммерция и в самом деле жесткая вещь, куда жестче, чем война. И ты хотел уберечь меня от ее самой жесткой и неприглядной стороны. Создать иллюзию, что наше предательство никому не повредило. И все эти годы ты один нес этот груз.

Очень великодушно. Я ведь и в самом деле был готов умереть тогда. Не за эту продувную дамочку, конечно, а просто за то, чтобы остаться порядочным человеком. И вот результат – я стал подлецом, и все равно умру. Может быть, это означает, что Бог все-таки есть?

* * *

Ирис держала перед глазами плотный лист бумаги, принесенный курьером, и внимательно изучала его содержимое.

«...4 бочки говядины, 4 большие бочки свинины, 4 бочонка сала, 12 бушелей крупы, 68 малых бочонков масла, 3 больших бочонка уксуса, 7 больших бочек пива, 6 лошадиных голов, 2 ящика мыла, 12 ящиков свечей, 6 рулонов парусины для подвесных коек, 3 кожаные шкуры...»

– Этого не хватит, – она с досадой отбросила письмо на столик и сцепила руки в замок, – не хватит, тут и думать не о чем. Для продолжительного плавания продовольствия нужно раза в полтора больше, как минимум.

– Прикажете загрузить больше? – спросил молодой человек, почти мальчик, который доставил письмо и теперь переминался с ноги на ногу, не зная, куда себя деть. Паренек был изрядно удивлен тем, что его провели в будуар и что делом снаряжения корабля, на котором он впервые должен был выйти в море, занимается женщина.

– А смысл? Солонина протухнет, а в галетах заведутся долгоносики. Необходимо продумать маршрут так, чтобы «Черная Леди» могла зайти в какой-нибудь дружеский порт для пополнения запасов продовольствия.

– Передать это капитану?

– Что? – удивилась Ирис. – А, нет, Дуглас, не нужно. Я все ему напишу. Ты посиди в холле, конверт тебе принесут.

Она присела к столу, а Дуглас, коротко кивнув головой, немедленно исчез.

Мэри, пристроившаяся в углу с пальцами, старательно накладывала мелкие, ровные стежки. Перед ней в корзинке лежали несколько катушек с розовым, красным, зеленым и белым шелком. Мэри изо всех сил старалась стать незаметной, даже дышать бесшумно. Несколько минут назад в этой комнате грянул грозовой разряд, и отзвукам его предстояло блуждать по бальным залам, кабинетам, будуарам и лакейским еще не одну неделю. Мэри ни за что на свете не согласилась бы пропустить такое!

После года помолвки мисс Нортон решительно отказала в своей руке милорду, графу Эльсвику. Это был грандиозный скандал, и ее отец еще не знал о нем. Расчетливо Ирис выбрала время, когда Альфред уехал в Сити, пригласила Джорджа и в присутствии двух свидетелей, его кузины Мелани и Мэри Мод, объявила о своем решении. Для отца это был удар в спину. Но не Ирис первая начала эту унижительную войну.

– Складывай вещи, Мэри, – приказала хозяйка, спокойная, как мраморная Афродита в холле Нортон-хауса, – мы уезжаем через час.

– В Уэрствуд? – рискнула спросить горничная. Хозяйка медленно покачала головой.

– Немного дальше. Как только будет готов экипаж, скажешь мне.

Ирис взяла второй лист, гораздо более тонкой и дорогой бумаги, обмакнула перо в чернильницу и быстро написала:

«Дорогая Кэти,

Возможно, мне придется уехать, не прощаясь. Я знаю, твое великодушное сердце не будет таить на меня обиды. Ты одна – хранительница моей тайны. Умоляю: отец будет сердиться – молчи! Джордж будет умолять – молчи! Миссис Бэрт будет любопытствовать – молчи! Тебе одной доверен ключ от моей свободы, и я не прощу, если к нему прикоснется другая рука!

Твоя Ирис».

Присыпав письмо песком, девушка написала адрес: Риджент-стрит, собственный дом, баронессе де Сервьер.

За это время Джордж Эльсвик дважды подходил к дверям и требовал объяснений, но Мэри, скрывая за напускным сочувствием преступную радость, неизменно отвечала, что хозяйка не принимает.

Дом покинули два лакея с поручениями от мисс Нортон. Появились дорожные саквояжи.

Чтобы не мешать слугам, Ирис удалилась в спальню и там долго вертела большой глобус, приобретенный в магазине Стокера, куда дамы обычно не заходили. Ирис помнила, как был удивлен приказчик. Она велела позвать хозяина и отдала некоторые дополнительные распоряжения. Мистер Стокер не удивлялся. Его вообще мало что могло удивить в этой жизни. Он давно растерял все иллюзии, что было совершенно понятно из заломленной цены. Ирис заплатила, не торгуясь.

Голубые пятна морей и рыжие точки островов завораживали девушку тайной прелестью диковинных названий и тем, что будили воспоминания, которыми она ни с кем не делилась.

Теперь нужно было дожидаться отца.

Скандала она не боялась. Он был ей нужен, этот скандал. Громкий скандал вокруг ее имени был единственным способом сообщить, что она свободна. Послать весть тому, кто год назад исчез из ее жизни, оставив вместо адреса обещание, что она его больше никогда не увидит.

Она не заметила, когда и как удалилась Мэри. Просто почувствовала, что в комнате что-то изменилось. Ирис подняла голову.

На пороге стоял отец. Он был бледен.

Крупные капли дождя стекали по лицу за ворот камзола.

– Что-то случилось? – испугалась дочь.

– Джордж сообщил мне, что ты расторгла помолвку.

Ирис встала.

– Он сказал правду, и если дело только в этом...

– Проклятье! Об этом кто-нибудь знает, кроме Джорджа и Мэри?

– Мелани Блейкни, а это значит – весь свет и его окрестности, – Ирис пожала плечами, – не вижу смысла это скрывать. Я приняла решение, и менять его не собираюсь.

– Проклятье, – глухо повторил Нортон, – ты поторопилась.

Он выглядел таким потерянным, что Ирис почувствовала себя виноватой.

– Напротив, я слишком долго медлила, – возразила она.

– Если бы ты помедлила еще хотя бы часа два!

– Да что случилось?! – перебила она.

Альфред Нортон опустился на короткий диван.

– Мэри! – крикнул он. Горничная бесшумно выросла на пороге. – Принеси мне снизу бутылку сидра и бокал. И исчезни.

– Я так надеялся на Джорджа Эльсвика, – проговорил он, после довольно долгого молчания, – вы знаете друг друга с детства. Мальчишка, конечно, не подарок, но он благороден, добр и любит тебя. Со временем ты бы привыкла к нему и привязалась, научившись ценить то, что имеешь. Так и совершается большинство браков... И некоторые из них оказываются вполне удачными, ну а другие... Во всяком случае, я бы не боялся за тебя так, как боюсь теперь.

Ирис ждала пояснений, но вместо этого отец вдруг спросил:

– Ты знакома с Родериком Бикфордом?

– Родерик Бикфорд? – Ирис добросовестно перебрала всех знакомых и покачала головой. – Я знаю Адама Бикфорда. Родерик – его родственник?

– Сын, – коротко отозвался отец.

Альфред Нортон сдавленно выругался, наполнил вином высокий бокал и сделал из него изрядный глоток.

– Если уж выбирать из двух зол, то я бы предпочел Джорджа.

– Так этот Родерик – еще один претендент на мою руку? – поняла Ирис. – Откуда он взялся?

– Этого никто не знает, – последовал странный неуверенный ответ. – Адам усыновил его... несколько лет назад. Я, право, не уверен, что хочу знать, где он его нашел. Может быть, такие выводятся из крокодилийх яиц.

Ирис невольно улыбнулась.

– Если ты шутишь, значит, не все так плохо. Скажи же, в какой форме я должна отказать мистеру Бикфорду? Сказать «нет» вежливо или твердо?

– Боюсь, – отец так сцепил кисти рук, что хрустнули пальцы, – тебе придется сказать «да». – И, не дав ей возможности возразить, быстро договорил: – Харди арестован. Торговые операции приостановлены личным распоряжением секретаря министра. Возможно, меня тоже вскоре ждет арест. Королевское правосудие оставит тебя без гроша... это в том случае, если не решит, что ты тоже виновна.

– Успокойся, – резкий тон дочери отрезвил Альфреда.

– Пока ты еще не в Ньюгейте, – произнесла она, – и, даст Бог, так все и останется. Харди будет молчать. А тебе... тебе нужно немедленно исчезнуть.

– Исчезнуть? – Нортон горько рассмеялся. – Предлагаешь спрятаться в Уэрствуде? В Италии? В Вест-Индии? Если я понадоблюсь королевскому правосудию, меня найдут и в Африке.

– Тебе нужно бежать в Голландию, – последовал быстрый и четкий ответ. – Люди принца Оранского тебя никогда не найдут. Потому что искать не будут.

– Но... как, девочка? – воспрянув было духом, отец снова поник. – У меня же нет ни корабля, ни денег.

– У тебя есть и то и другое, – возразила дочь и, загадочно улыбаясь, предложила: – Подойди сюда.

Под изумленным взглядом Альфреда Нортон лопнула кора земли, и глобус распался на две половины.

– Здесь необработанных изумрудов на десять тысяч фунтов, – вполголоса сообщила Ирис. – В Дувре ты найдешь шхуну «Черная Леди». Ты ни с чем ее не спутаешь, она – родная сестра затонувшей «Полярной Звезды». Капитана зовут Гордон. Скажешь ему девичью фамилию Кэти, и он отвезет тебя куда прикажешь. Хоть в преисподнюю.

– Но... это богатство раджи... откуда? – только и смог произнести Альфред, не отрывая взгляда от кучки неровных серых камней.

– Думаю, уже нет смысла скрывать. – Ирис решительно выгребла камни и со стуком захлопнула глобус. – Мы с Кэти готовили мой побег. На тот случай, если ты заупрямишься и решишь тащить меня к венцу силой. А деньги... Это – долгая история. Они принадлежат мне по праву. И если с помощью этих камешков я спасу тебя, это будет самое лучшее вложение капитала.

– Побег из-под венца? – задумчиво повторил Альфред Нортон, медленно поворачивая в коротких пальцах пустой бокал. – Узнай я об этом при других обстоятельствах, ты, моя дорогая, неделю просидела бы на чердаке на хлебе и воде... Но сейчас я могу сказать только одно: у нас с Адамом выросли умные дети.

– Так ты согласен?

Альфред покачал головой, грустно улыбаясь своей чересчур предприимчивой дочери.

– Но почему?!

– По той же причине, что и ты. Есть человек, которому корабль и деньги понадобятся больше, чем нам. Семью Нортонів никогда не называли образцом добродетели. У нас много недостатков. Но вряд ли кто-нибудь из Нортонів способен оставить друга в беде. Ни ты, ни я не простим себе, если Харди повесят за измену, которой он не совершал.

– Но это значит... – Ирис запнулась.

– Тебе придется принять предложение младшего Бикфорда, – договорил отец, и в его голосе проскользнули знакомые жесткие нотки. – Я же тебе сказал – ты поторопилась. Джорджу Эльсвику я бы отдал тебя с легким сердцем.

Ирис еще пыталась осмыслить жестокий удар, когда в комнате, как бесплотная тень, появилась Мэри. И тут же вышла. На серебряном подносе лежало письмо.

Ирис осмотрела его. Печать ей ни о чем не говорила. Она торопливо вскрыла конверт.

«Мисс Нортон, – гласило таинственное послание, – однажды Вы сказали мне, что доверяете слепо и беспредельно. И я ни разу не обманул Вашего доверия.

Возможно, я прошу слишком многого, но я не прошу больше того, что абсолютно необходимо: доверьтесь мне еще раз. Не отвергайте руку Бикфорда. Это рука друга. И – ваш единственный шанс уцелеть.

Искренне Ваш Д. Р.»

Заметив, как побледнела дочь, Нортон потянулся к письму, но Ирис машинально отвела руку.

– Мэри! – крикнула она.

Горничная появилась мгновенно, словно ждала под дверью. Впрочем, скорее всего, так и было.

– Кто доставил письмо?

– Посыльный, – ответила девушка, пряча руки под передник. В доме явно творилось что-то странное. Мэри никак не могла решить для себя, к добру это или к худу, и от этого страшно волновалась.

– Он еще здесь?

– Нет, он ушел. Сказал, что ответ не нужен.

– Как он выглядел?

– Обычный лакей...

– В чьей ливрее, – теряя терпение, крикнула Ирис.

– Да откуда ж я знаю, госпожа? – удивилась Мэри. – На улице-то дождь какой! Он в плаще был, под ним ливреи не видно.

– Тогда почему ты, ослица, решила, что это лакей?

– А кто же еще мог принести письмо, – резонно возразила Мэри, – не епископ же?

– Уйди с глаз долой, – махнула рукой хозяйка и буквально упала на диванчик, который до этого проминал Нортон.

– Что это? – спросил отец, – почему ты так разволновалась?

– Это... Это – в некотором роде мой неоплаченный вексель, – одними губами ответила Ирис, – и сейчас его требуют к оплате. Что ж... Еще никто не сказал, что Нортоні забывают свои долги. Я принимаю предложение Родерика Бикфорда и выйду за него замуж в любой день, который он назначит. Но видеть его до свадьбы я не желаю, и это – мое последнее слово!

Едва Альфред Нортон вышел, Ирис снова торопливо развернула письмо, надеясь найти постскриптум или какие-нибудь знаки и указания, которые она в спешке и волнении проглядела. Почерк был определенно тот самый: крупный и четкий, с округлыми буквами и аккуратно расставленными знаками препинания. Ирис насмотрелась на него, разглядывая пометки, сделанные капитаном Риком на карте. А упоминание о том, давнем разговоре, которому не было свидетелей, не оставляло места сомнению. Письмо было и в самом деле от него. Но никаких дополнительных значков девушка не обнаружила.

Он был рядом, следил за ней, знал каждое движение, каждое слово... А ей не удалось заметить его даже мельком.

«Люцифер», – вспомнила Ирис и торопливо перекрестилась.

* * *

Молодой офицер пришел в себя среди ночи.

Первым ощущением была тяжесть во всем теле и неприятная сухость во рту. Осторожно Дадли открыл глаза и в первое мгновение не увидел ничего, кроме плотного темно-синего полога и огонька, слабо желтевшего во тьме.

Питер осторожно осмотрелся. Он лежал на широкой кровати, сделанной, должно быть, во времена Ричарда Третьего, Это громоздкое сооружение оказалось неожиданно удобным. До подбородка граф был укрыт легким, но теплым одеялом. В спальне было довольно прохладно и, видимо, поэтому в ногах Питера лежала бутылка с горячей водой.

Дадли повернул голову. Огонек свечи раздвоился, заплескался, но вскоре вновь обрел привычные очертания.

Свеча в массивном бронзовом подсвечнике стояла на низком круглом столике у кровати. Рядом лежала раскрытая книга... Или, скорее, тетрадь. Потому что, присмотревшись, Дадли заметил, что страницы заложены пером, а рядом стоит пузатая чернильница. А еще – приземистый графин с толстыми стенками. Жидкость в нем была прозрачной и бесцветной.

В изголовье, на стуле, сидела женщина и, опустив голову, дремала.

Дадли невольно поежился. Хорошо, что он увидел сиделку после того, как разобрался со своим состоянием. Иначе Питер неминуемо решил бы, что помер и находится в раю. Поскольку ничем иным кроме ангела эта светловолосая женщина быть не могла. Но Дадли знал ее. Вернее, «знал» – не то слово. Встречал в свете. Эта нежная сильфида вместе со своим безобразным старым супругом стали сенсацией сезона.

Дадли попытался привстать, но проклятая кровать скрипнула, и женщина тотчас проснулась.

Глаза их встретились.

Дадли показалось, что он заглянул в глубокий темный колодец, в котором отражаются звезды, но не видно дна.

– Как вы себя чувствуете? – тихо спросила женщина. В ее улыбке не хватало тепла, но Дадли этого и не ждал.

– Спасибо, – произнес он не своим, скрипучим голосом, – я чувствую себя вполне хорошо. Только очень хочется пить. Если Ваше Светлейшее Сиятельство не затруднит прислать кого-нибудь...

– Зовите меня Джованна, – мягко перебила его женщина. Невесомая рука легла на лоб Дадли, и Питер подумал, что для живой женщины пальцы ее слишком холодны.

– Вы сможете приподняться? Я подсуну вам под спину еще одну подушку. Уже очень поздно, и я не хочу будить слуг. – В руке княгини появился бокал с водой, и Дадли, потрясенный, сообразил, что она собирается его поить!

– Ради Всевышнего, я справлюсь сам, – он торопливо сел на постели, борясь с головокружением. Предложенную воду Питер выпил двумя торопливыми глотками, но все же успел ощутить какой-то посторонний привкус. Что-то отдаленно похожее на мяту.

Сухость во рту прошла, но головокружение осталось, и, чтобы не смотреть на плывущие перед глазами предметы, Дадли прикрыл глаза.

– Может быть, ляжете? – предложила княгиня.

– Где я? – наконец сообразил спросить Питер. – И что со мной?

– Вы у друзей, – мягко ответила Джованна, осторожно принимая бокал, – в моем доме. У вас была тяжелая лихорадка, и мы опасались за вашу жизнь. Сейчас вы идете на поправку.

– Но как я оказался здесь? – Дадли сделал над собой усилие, открыл глаза, сосредоточился, подождал пока предметы не прекратят свистопляску и оглядел комнату и итальянскую княгиню, которая прекрасно говорила по-английски и сама ухаживала за больным гостем.

На лицо женщины набежала тень.

– Боюсь, это вина моего грума. И отчасти моя. Вас сбили мои лошади. Но, граф, право же, вам следовало быть осмотрительнее. Вы шли точно во сне.

Ее голос, негромкий, мягкий, участливый, накатывал, как морские волны на песчаный пляж, и Питер почувствовал сонливость. Он опустил на подушки и спустя мгновение уже спал. Но сон его был нервным и беспокойным. Несколько раз с губ молодого офицера срывались стоны, слова и целые фразы.

Женщина повела себя несколько странно для сиделки. Едва Питер закрыл глаза, она аккуратно открыла тетрадь и обмакнула перо в чернильницу.

Ближе к утру, когда малиновый отблеск рассвета пробился сквозь плотные шторы и лег на бледные щеки усталой женщины, подарив им нежный румянец, в комнату без стука вошел Лоренцо. Он быстро, но очень внимательно проглядел несколько исписанных страниц, затем вырвал их, скомкал и бросил в камин.

– Ничего нового, – проворчал он скорее себе, чем Джованне, – этот молодой офицер оказался крепче, чем я думал. Придется удвоить дозу.

– Это не убьет юношу?

– Нет, – уверенно отозвался Лоренцо, – во всяком случае, не сразу.

Их тихие голоса не тревожили каменного сна Дадли, одурманенного флорентийскими снадобьями. Но, видимо, кое-что все же проникло сквозь завесу липкого беспмятства. Он тихо застонал и отчетливо произнес:

– Сбежал у поворота на Уилфорд... Ранил солдата... Украл лошадь... Утром следующего дня... Не уверен, но очень похоже на след...

Лоренцо и Джованна переглянулись.

– Это то, чего ты ждал? – тихо спросила женщина.

Глава 5

В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – отозвалась девушка. Собственный голос показался ей чужим, настолько отстраненно он звучал. Ирис подивилась его спокойствию. На самом деле ей хотелось рыдать в голос или истерически хохотать. А больше всего – закутаться в плотный темный плащ, тихонько выскользнуть через черный ход и, пробравшись в порт, воспользоваться прощальным подарком Рика. Но это была недостойная мысль. В неписанном своде законов семьи Нортон не было статьи, карающей за трусливый поступок. Нортонь не знали, что такое трусость, а значит, и статья была без надобности.

Дверь лишь слегка приоткрылась, в проеме замаячило обеспокоенное лицо отца. Темный коридор и темный камзол слились в одну бурую полосу, и девушка поспешно ухватилась за подлокотник кресла. Она была очень слаба.

Еда вызывала отвращение, сон не шел, и уже третью ночь подряд она лежала с открытыми глазами, даже не пытаясь забыться. Книжки были отброшены. Ирис пыталась обрести душевное равновесие и временами ей это почти удавалось. Но приходил вечер, а с ним темнота и плохие мысли, и от обретенного спокойствия оставались только пустые, с детства затверженные фразы, в которых она пыталась прятаться, как заяц в кустах от охотников. Она похудела и подурнела и, глядя на себя в зеркало, втихомолку злорадствовала, представляя испуг и отвращение своего нареченного, неведомого ей Родерика Бикфорда.

Увидеть жениха она так и не пожелала и поэтому не представляла себе, сколько ему лет, умен он или глуп, красив или безобразен – по большому счету ей было все равно. Ирис заранее возненавидела и самого жениха, и всю его семью, и была убеждена, что мнения ее ничто не изменит. Отец не пытался ее разубедить и не мешал ей холить и лелеять свою ненависть, потому что понимал – это единственное, что помогает дочери держаться.

Увидев ее в мягком утреннем свете в белоснежном брачном уборе и веночке из флердоранжа, Альфред Нортон ужаснулся – Ирис была похожа на свою мать в те дни, когда болезнь уже догрызала остатки ее жизни. Он открыл было рот, чтобы вслух посетовать...

– Пора? – спросила Ирис спокойно и кротко, как самая послушная и богобоязненная дочь. И слова застряли у него в горле. Альфред смог только кивнуть.

Держась за перила, Ирис спустилась вниз. У дверей Мэри заботливо накинута на плечи легкий теплый плащ и, не скрываясь, заплакала. Джорджа Эльсвика не было. Ирис его и не ждала. С того дня, как она расторгла помолвку, граф уехал из своего дома и поселился у друзей. Два раза приходил посыльный с письмами от бывшего жениха, но Ирис отослала их назад нераспечатанными, и Джордж отступился.

Экипаж был очень дорогим и красивым, с новыми рессорами, но такими тяжелыми и плотными занавесками, что Ирис невольно подумала – именно так должны перевозить преступников из одной тюрьмы в другую, чтобы не увидели, кого везут, и их товарищи не устроили побег.

Отец помог ей сесть и забрался следом. Грум цокнул языком, и экипаж мягко тронулся с места.

Молчание дочери тяготило Альфреда.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – осторожно поинтересовался он.

– Если я скажу, что умираю, ты отменишь венчание? – спросила Ирис, не поворачивая головы.

Отец крикнул от неожиданности, но спустя мгновение перевел дух с огромным облегчением.

– Ты меня успокоила, – признался он, – я уж было решил, что дела совсем плохи и до церкви я тебя не довезу. Либо ты скончаешься у меня на руках, либо на полдороге экипаж остановят дюжие ребята с пистолетами, и ты объявишь, что передумала выходить замуж, а вместо этого уходишь в разбойники. Каждый раз, когда я видел тебя такой покорной, случалась беда, и я научился бояться твоей сговорчивости. Ты ведь не умеешь сдаваться?

– Не умею, – подтвердила дочь, – но я умею отступать на время. Ты ведь сам учил меня, что коммерсант должен уметь маневрировать. Сейчас самое главное – жизнь Харди. Я понимаю это не хуже тебя, так что можешь не волноваться. На это раз я действительно покорилась.

Отец кивнул, но через некоторое время снова забеспокоился.

– Может быть, стоило захватить с собой нюхательную соль или что-нибудь в этом роде...

– Родерик Бикфорд так безобразен, что можно упасть в обморок от одного его вида? – съязвила дочь и тут же прикусила язык.

Отец широко улыбнулся. Всю неделю Ирис держалась так холодно и невозмутимо что, казалось, она и впрямь презрела все земное. Но любопытство выдало ее с головой.

– Совсем нет, – поспешно произнес Альфред, – Родерику чуть больше тридцати. Он хорош собой и, бесспорно, очень умен. Адам по праву гордится своим наследником, и Родерик...

– И Родерик достаточно влиятелен, чтобы избавить Харди от петли, а тебя от разорения, – перебила Ирис, кляня в душе свою несдержанность, – это все, что я хочу о нем знать. Даю слово, мне абсолютно безразлично, какого он роста и какого цвета его глаза и волосы.

– Роста невысокого, но очень крепок. Волосы светлые, почти как у Мэри, а цвет глаз я не разглядел, – посмеиваясь, сообщил отец.

– Ну хватит! – оборвала дочь. – Ей богу, ты похож на Пруденс Бэрт.

– Твоя мать умерла очень рано, – вздохнул отец, – она не дожила до твоей свадьбы, а девушке в такой день больше нужна мать, чем отец. Я попытался ее заменить, насколько мог.

– У тебя получилось даже слишком хорошо, – прошипела Ирис и отвернулась. Больше за всю дорогу она не проронила ни слова, но Альфреда Нортон ее молчание больше не тревожило. Да и дорога, против ожидания, оказалась совсем короткой.

На Кинг-стрит издавна селились самые знатные и приближенные ко двору фамилии. При короле Карле банкир или торговец, как бы он ни был богат, о доме здесь не мог и мечтать. А вот сейчас случилось: Адам Джеймс Бикфорд купил дом на королевской улице, и мир не перевернулся.

Небольшая аллея, засаженная розовыми кустами, подходила прямо к высоким дверям в обрамлении восьми колонн. По бокам высились две темно-красные башни, украшенные барельефами, с большими арочными окнами. Дом, скорее его можно было назвать небольшим дворцом, имел всего-то три этажа и чердак, но, казалось, заслонял небо.

Все это Ирис увидела уже после того, как, остановившись на мгновение перед узорной решеткой ворот, экипаж подъехал к дверям, встал и слуга открыл дверцу, помогая девушке выйти.

Рядом с особняком был разбит небольшой, но немного запущенный садик. Он густо зарос боярышником, траву на лужайке не подстригали уже несколько дней. Тропинки, густо выстланные опавшими листьями, разбегались куда ни попадя без особого порядка. Но одна, чуть пошире остальных, вела к укрытой в глубине сада маленькой часовне, тоже красного цвета, вероятно, построенной в один год с домом и тем же мастером.

«...Вот и меня, как Кэти, замуж отдадут, точно что-то нехорошее делают, так, чтобы никто не увидел», – подумала Ирис. Подумала без зла и без сожаления. Скорее просто для того, чтобы отвлечься от тянущего душу беспокойства.

Отец покинул экипаж следом за ней. Он о чем-то переговорил со слугой и ласково, но настойчиво подтолкнул ее к дорожке. Значит – пора. Значит, все это – всерьез. Ирис Нортон,

пережившая кораблекрушение, испанский плен, жизнь на необитаемом острове в окружении отпетых головорезов, половина из которых мечтала повесить ее на ближайшем дереве, та Ирис, которая презрела мнение света и разорвала помолвку с лордом и будущим пэром королевства, должна была гордо отвести руку отца и спокойно, с высоко поднятой головой, прошествовать навстречу неизвестному. Но она не могла. Странная слабость, сковавшая ее, позволяла лишь едва переставлять ноги.

День выдался хмурым. Серо-розовое утреннее небо затянули перистые облака. Темный сад казался пустым и холодным. От черной жирной земли на клумбах тянуло сыростью. Перед распахнутыми дверями часовни прохаживалась большая черная галка. Услышав шаги, она взмахнула крыльями и перелетела на старый кривой дуб неподалеку.

Совсем не о такой свадьбе мечтала самая богатая наследница севера Британии. Ни шафера, ни подружки, ни гостей. Впрочем, все правильно. Помолвка с лордом, совместное путешествие, слухи о пленении и гибели, внезапное воскрешение, появление в свете без компаньонки, лишь в обществе жениха, и, наконец, публичный разрыв... Все это можно было описать одним коротким и емким словом – скандал. Если девушка замешана в скандал, будь она хоть сто раз наследница и красавица, она должна молить Бога, чтобы ее вообще хоть кто-нибудь взял замуж, пусть даже нищий эсквайр.

Увидев фигуру священника в белом облачении, а рядом, у алтаря, темный силуэт незнакомца, Ирис перестала замечать все вокруг и сосредоточила силы на том, чтобы не упасть. Слуга освободил ее от плаща, и зябкий сырой воздух, будто только того и ждал, нетерпеливо обнял ее за плечи, пронизывая, казалось, до самого сердца. Даже не пытаясь разглядеть темную фигуру, Ирис Нортон пошла вперед, на свет белых одежд, так, словно шла по льду.

Священник заговорил медленно и торжественно. Сквозь гул в ушах Ирис разобрала: он давал объяснение того, что такое брак, и как мужчина и женщина должны соблюдать данные обеты. Она попыталась сосредоточиться. На один миг перед глазами прояснилось: она увидела тонкие белые пальцы священника, легко скользившие по страницам книги, сонную физиономию причетника и чуть дальше, у самой стены, большое деревянное распятие. «Господи... тебе было куда хуже, чем мне, – честно признала девушка, – прости, что я так раскисла. Ведь этот Бикфорд... не Синяя же Борода в самом-то деле?»

– Согласна ли ты, Ирис, взять в законные мужья присутствующего здесь Родерика и жить с ним в любви и согласии до самой смерти?

Она молчала, уйдя в размышления, и не сразу сообразила, почему в церкви наступила глубокая тишина.

– Дочка?!

Ирис вздрогнула. Священник, повидавший на своем веку немало невест и прекрасно понимавший состояние молодой девушки, терпеливо, без раздражения, повторил вопрос.

– Да, – едва слышно ответила Ирис.

– Властью, данной мне Господом, объявляю вас мужем и женой, – торжественно произнес священник.

«Это все происходит не со мной. Это с Кэти!» Темный человек рядом шевельнулся, и сердечко Ирис взвыло от внезапного животного ужаса. Она едва не шарахнулась прочь. Но пересилила себя и подняла взгляд на мужа.

В полумраке часовни, близко, совсем рядом, оказались вдруг зеленые, кошачьи глаза пирата Джеймса Рика. В них полыхнули и радость, и беспокойство. Ирис поняла, что спит и видит чудесный сон, и тихо, одними губами, произнесла:

– Я искала тебя... так долго. Я не возвращалась домой... Мы обошли всю Вест-Индию...

– Я знаю, – так же тихо ответил Рик.

– Откуда?

– Я все время был рядом. Следовал за вами. На случай если ты опять попадешь в беду... Цыганка велела мне хранить синий цветок – и я хранил.

Пират обнял девушку, плечи мгновенно вспомнили тяжесть его ладоней. Происходило то, что не должно было, не могло случиться. Рик наклонился к ней, и девушка прильнула к нему, запрокинув голову, и ответила на осторожный поцелуй так горячо, как никогда бы не осмелилась наяву.

Потолок качнулся. Огоньки свечей дрогнули и поплыли.

«Не хочу просыпаться», – подумала Ирис и потеряла сознание.

* * *

Беспамятство нарушили голоса, которые показались ей неестественно громкими.

– Она очень волновалась все последние дни. Ничего не ела и, кажется, совсем не спала...

Голос отца причинял почти физическую боль и страшно раздражал. Кому какое дело до того, сколько она ест и спит?

– Я все понимаю. Вам незачем извиняться, – второй голос прозвучал гораздо тише, и девушка сразу узнала его. Она узнала бы его из тысячи. Так значит, это был не сон? Кровь жаркой волной бросилась в лицо. Она шевельнулась и поняла, что лежит на мягкой постели. Ирис рискнула приоткрыть глаза. Над головой был наполовину задернутый полог. Рядом с кроватью растерянн топтался Альфред Нортон. Ирис слегка повернула голову. Слух не обманул ее. Человек, стоявший у окна и поглядывающий на Нортон с легким нетерпением, был именно тем, кто ровно год назад спас ей жизнь, выслушал сбивчивые признания в невероятном чувстве, предложил бежать с ним и, получив отказ, поклялся исчезнуть из ее жизни.

Он был легендарным корсаром, который наводил ужас на побережье Испанского Мейна, не имел себе равных в поединках и за коварство и дерзость получил от богобоязненных кастильцев прозвище «Люцифер». А еще он был с ней «одной крови», точнее, одного времени. Камзол, высокий галстук и нелепое имя «Родерик» шли ему примерно так же, как волку ошейник. Что он делал здесь?

Глаза их встретились, и девушка почувствовала, что краснеет. Капитан улыбнулся.

Заметив, что она очнулась, отец торопливо шагнул к постели.

– Тебе лучше, дорогая? Ты напугала и меня, и мистера Бикфорда... Такой долгий обморок.

Ирис внимательно посмотрела в бегающие глаза отца и не поверила ни единому слову. Он беспокоился, конечно, из-за ее обморока, но гораздо больше его терзало любопытство. Еще бы! Сцена, которую устроила в часовне во время венчания его сдержанная дочь, могла бы смутить кого угодно.

– Все хорошо, – тихо отозвалась она и попробовала сесть. Вещи вокруг устроили свистопляску. Она на секунду закрыла глаза, а когда снова открыла их, то увидела Рика. Он протягивал ей высокий бокал с красным вином, налитый едва на треть.

– Выпейте. Это поможет вам справиться со слабостью.

Она покорно глотнула. Вино оказалось терпким и сладким. Не слишком приятным, но, в общем, проглотить его оказалось нетрудно.

– Выпейте все, – тихо, но очень настойчиво произнес Рик, – вам это необходимо.

Не желая спорить из-за пустяка, Ирис подчинилась. Она ждала нового приступа головокружения, но мир успокоился и больше не пытался перевернуться вверх дном.

– Разве так можно, – торопливо заговорил отец, – три дня голодала, да без сна! Тут даже мужчина в полной силе с ног свалится, а ты – девушка!

Ирис поморщилась:

– Не нужно причитать надо мной, как над покойником. Я жива, все в порядке. Подумаешь – обморок.

Она скорее согласилась бы откусить себе язык, чем попросила отца выйти и оставить ее наедине с Риком. Но Альфред Нортон был далеко не глуп. Взгляд его несколько раз переместился с дочери на нового родственника и обратно.

– Ты уверена, что с тобой все хорошо?

– Уверена, – Ирис выпрямилась и опустила ноги на пол.

– Вам нельзя вставать, – негромко предостерег Рик.

– Это приказ, которому я должна подчиниться, иначе вы примените ко мне «право большого пальца»? – холодно спросила девушка. Супруг ее негромко фыркнул. Это было так неожиданно похоже на их частые стычки в прошлом, что Ирис едва поборола желание рассмеяться. Все-таки это был он! И он ничуть не изменился.

– Ты уверена, что я могу оставить тебя? – спросил отец.

– Со мной все в порядке, – теряя терпение, процедила Ирис, – это пустяковое происшествие, и мы слишком много о нем говорим.

– Я все-таки подожду внизу, пока ты... – Альфред Нортон, недоговорив, шагнул к двери, но перед тем как закрыть ее с другой стороны, одарил долгим и недоумевающим взглядом сначала дочь, а потом зятя.

Ирис осторожно поднялась. Пол из-под ног не убегал. Похоже, вино и впрямь оказалось целебным. Рик наблюдал за ней внимательно, готовый в любую секунду прийти на помощь, но возражать больше не пытался. И на том спасибо. Ирис была сыта по горло мужским деспотизмом. Она вздернула подбородок и заглянула в зеленые, кошачьи глаза.

– Я жду объяснений.

– Вы их получите.

– Когда? – холодно поинтересовалась она.

– Прямо сейчас. Только сначала сядьте.

Рик шагнул к ней, чтобы помочь, но она демонстративно отстранилась. Пират пожал плечами и остался в двух шагах от нее.

– Не смотри на меня зверем, Настя. Может быть, я и действовал несколько вразрез со здешними традициями, но я был уверен, что ты меня поймешь.

Она молчала долго. Впрочем, терпения Рiku было не занимать. Наконец, он снова услышал ее голос.

– Там, дома, тебя тоже разыскивают?

Рик мгновение подумал.

– Наверное, уже нет. Слишком много лет прошло. Но – искали, это точно.

– Почему меня это не удивляет? – фыркнула Ирис. – А как ты осмелился появиться здесь? Ведь правосудие короля уже давно скрутило для тебя петлю. – На последних словах ее голос дрогнул. Девушка поспешно отвернулась и не видела улыбки супруга.

– Виселица ждет пирата Рика. К баронету Родерику Бикфорду у короны никаких претензий нет.

– Если никто не откроет ей глаза, – возразила Ирис.

– А никто не знает. Кроме тебя и меня.

Девушка покачала головой:

– Ты очень сильно рисковал, спасая нашу семью. Я не представляла, насколько сильно. Иначе...

– Я рисковал не больше, чем просто приехав в Лондон. И не больше, чем в море. Тебе вполне можно доверить любую тайну, ты это доказала. – Он немного помолчал и добавил: – Ты уж прости, Настя, но я знал, что, расстраивая твою свадьбу, я совершаю хорошее дело.

– Слишком много знаешь, – немедленно взъелась супруга, – кажется, я не давала тебе повода!..

– Да правда ли? – широко улыбнулся Рик. И ей немедленно припомнилась та их единственная ночь, сумасшедшая ночь на Карибах... Она почувствовала, что щеки горят, а сердиться совсем не хочется.

– Там, на острове... я была безумна.

– Там, на острове, – передразнил ее пират, – ты в первый раз в жизни повела себя разумно. И я уже начал было надеяться, что ты наконец повзрослела. Но теперь вижу – ошибся. Ладно. Отдыхай, набирайся сил. Тебе принесут чего-нибудь поесть.

Рик вышел, не дожидаясь ответа. Дверью, впрочем, не хлопнул.

* * *

Над городом разгорался туманный и холодный рассвет. Он медленно и неохотно тек по небу от грязных портовых улочек, подбираясь к великолепному Сент-Джеймсу¹⁵. За белой дымкой было не видно солнца тревожного, темно-малинового цвета.

Питер Дадли проснулся с ощущением блаженной легкости во всем теле. Хотелось не просто встать, а вскочить, но, вспомнив липкую тяжесть и головокружения последних дней, Дадли поднялся осторожно. Ничего не произошло. Питер огляделся. Комната, как он и помнил, была большой, торжественной и плохо отапливаемой. Здесь было сыровато. Над кроватью нависал тяжелый темно-красный полог. С вышитым вензелем «NR». Дадли покопался в памяти, но ничего подходящего не вспомнил.

На высоком круглом столике из черного дерева стоял не привычный графин с водой, а красивое блюдо с фруктами. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, Дадли увидел серебряный колокольчик. Это выглядело как приглашение. Питер позвонил.

Служанка появилась скоро, ожидание еще не наскучило Дадли. Это оказалась крепко сбитая пожилая неразговорчивая женщина. Она вошла, прижимая к плоской груди его мундир. Он был вычищен и старательно зачищен.

– Положи на кресло, – велел Дадли.

– Милорду что-нибудь угодно? – справилась женщина. Голос у нее оказался под стать лицу и фигуре – грубоватый.

– Спроси у княгини, когда она сможет меня принять, – довольно резко ответил Питер. Служанка ему отчего-то сильно не понравилась.

Бревно в плохо сидящем платье поклонилось и так же молчаливо вышло. Питер вздохнул с облегчением. Он неторопливо оделся. Поверх мундира Дадли нацепил найденную тут же перевязь. Шпаги не было. Это неприятно удивило Дадли, но он рассудил, что заботливая хозяйка, вероятно, убрала оружие, чтобы Питер во время болезни не поранился. Объяснение было притянута за уши, но другого все равно не было, так что пришлось довольствоваться этим. Блестящий офицер чувствовал неловкость. Прошло уже очень много лет с тех пор, как он в последний раз появлялся в обществе без шпаги. Тогда на нем, помнится, был школьный сюртучок.

– Доброе утро.

Питер стремительно обернулся на голос. В распахнутых дверях стоял высокий худой старик. Он немного сутулился, возможно, из-за привычки держать руки за спиной. Питер сразу узнал этого человека – князь Лоренцо да Манчина, и поразился тому, как бесшумно он вошел. Светлые глаза смотрели на офицера со спокойным, оценивающим любопытством.

¹⁵ Сент-Джеймс – королевский парк.

– Ваше Светлейшее Сиятельство, – Дадли учтиво поклонился, – Простите мне невольное нарушение этикета. Я без шпаги...

– Пустое. – Голос князя был голосом старика, глухим и дребезжащим, но ничего неприятного в нем не было. – Вашу шпагу вы получите после того, как мы закончим разговор. Вам ничего не грозит, – князь демонстративно развел руками, – как видите, я тоже безоружен.

Дадли слегка растерялся:

– Вы говорите так, словно мы с вами враги.

– Мы не враги, – согласился старик и после едва заметной паузы добавил: – пока. Но можно предположить, что к концу разговора нам захочется перерезать друг другу глотки. В подобных случаях Господь советует не вводить ближнего во искушение, – князь доброжелательно улыбнулся.

– Я не понимаю вас, – признался Дадли, – мы едва знаем друг друга. Если только милосердный поступок княгини...

Старик с глухим стуком захлопнул двери.

– Вы самоуверенны, – спокойно сообщил он смущенному Дадли, – Вы молоды и красивы, но не соперник князю да Манчина.

– Тогда я совсем не понимаю Ваше Сиятельство.

– Сейчас поймете, – пообещал князь. Он подошел к креслам. Взглядом предложил Дадли садиться. Питер предпочел бы постоять, раз уж начался такой интересный разговор, но ослушаться было почему-то совершенно невозможно.

– Я не любитель долгих разговоров, – произнес князь, буравя молодого офицера пристальным взглядом светлых глаз, – вы четыре дня были в жестокой горячке. Это тяжелое испытание не только для телесного, но и для душевного здоровья. Скажите, вы помните, как попали в мой дом?

– Княгиня сказала, что меня сбили ее лошади, – недоуменно ответил Дадли. Эти воспоминания его почему-то тревожили. Вернее, не сами воспоминания, а их отсутствие. А если совсем честно, Дадли смутно опасался, что воспоминания вернуться, и с ними всплывет нечто такое, чему лучше бы не всплывать. Старик прекрасно понимал его состояние.

– Хорошо, я помогу вам, – произнес он. – Барон де Сервьер...

Если бы рядом разорвалось пушечное ядро, шок был бы меньше. Перед глазами завертелась бешеная карусель: лица, масти, монеты, стылая вода Темзы, несущиеся навстречу лошади. И спокойный, даже чуточку ленивый голос, который с настоящим, не наигранным равнодушием произнес: «Вы должны мне ровно шесть тысяч фунтов».

Дадли схватился за голову и глухо застонал.

Лоренцо смотрел на молодого офицера внимательно, но без сочувствия. Ему не нравилось, что Дадли оказался таким впечатлительным. А на вид – такой хладнокровный и умный... Впрочем, сумма, на которую его обыграл Этьенн, могла сбить дыхание кому угодно.

Когда Дадли справился с собой и отнял руки от лица, первое, что он заметил – небольшой, но вместительный коричневый кожаный саквояж с аккуратными замочками. Саквояж был приоткрыт. А внутри... Дадли даже глаза потер, настолько необычным показалось ему увиденное: внутри саквояжа лежали толстые пачки банковских билетов, для верности перевязанные лентами посередине.

– Здесь ровно шесть тысяч фунтов, – подтвердил его догадку князь Лоренцо. – Они ваши. И я не требую никаких расписок.

Наконец Питер уразумел, что странный старик и гора денег – это не мираж, а самая что ни на есть реальная жизнь. А в реальной жизни такие деньги просто так, за красивые глаза, не дарят.

– Это большая сумма, – осторожно сказал он.

– Верно, – кивнул старик. – Услуга, которая от вас потребуется, тоже не мелкая.

– Услуга? – удивился Дадли. – Смею вас уверить, я не вхож к королю, не имею никакого влияния при дворе и не распределяю должности.

– Я знаю. Поверьте, я знаю о вас достаточно и я не принимаю вас за кого-то, кем вы не являетесь. Вы действительно не вхожи ко двору. И вряд ли когда-нибудь туда попадете. Дуэль, да? Маленькая неосторожность, которая стоила вам карьеры. Его Величество был очень зол и не повесил вас лишь по настоятельной просьбе вашего родственника, министра Сесила. Он ваш...

– Дядя. По материнской линии. Но какое это отношение имеет к моему долгу и вашему предложению? Кстати, я пока так и не понял, в чем оно заключается? – Дадли удалось довольно быстро взять себя в руки. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку и положив ногу на ногу. И смотрел на князя да Манчина выжидающе. Лоренцо одобрительно кивнул. Со спокойным и уравновешенным противником было гораздо легче, чем с истериком, потерявшим голову от страха. Не говоря уже о том, что это было гораздо приятнее.

– Отношение самое прямое. А предложение мое простое, проще некуда, – улыбнулся Лоренцо, и Дадли невольно подумал, что еще ни разу в жизни не видел более открытой и доброжелательной улыбки. – Ваш дядя – министр Сесил. И его хобби.

– Не понимаю. На что вы намекаете?

– Не намекаю, – поправил князь. – Наше дело слишком серьезное, чтобы позволить себе роскошь плохо понять друг друга. Или не понять вообще. Так что никаких намеков: я говорю предельно прямо. В доме вашего дяди «Запечатанный узел», заговор против короля и католической веры, возрожденный спустя сорок лет. И вы – один из его активных участников.

Губы Питера свело мертвой улыбкой, похожей на гримасу.

– Вы... я право не знаю, кто наболтал вам все эти глупости, – выдавил он.

– Некий Питер Дадли, – невозмутимо ответил старик, – я, кажется, уже имел честь сообщить вам, что вы четыре дня метались в горячке. В горячке, молодой человек, люди иногда бредят и не контролируют свои речи. Я понятно изъясняюсь?

Дадли порывисто вскочил. Рука машинально метнулась к бедру, но, не обнаружив шпаги, сжалась в кулак. Питер сдавленно выругался.

– Вот поэтому я и распорядился пока разоружить вас, молодой человек, – кивнул князь, поднимаясь с кресла. – Как видите, я оказался прав. В серьезном разговоре оружие – не помощник, а лишь причина для запоздалых сожалений. А теперь сядьте... или, если хотите, можете остаться стоять, но выслушайте меня до конца.

– Вы ошиблись, – решительно сказал Дадли, – мне очень жаль. Спасибо за гостеприимство, разрешите откланяться, надеюсь, мы больше никогда не увидимся...

Надеясь на свою молодость и ловкость, Дадли шагнул вперед, прямо на старика, отводя руку для классического удара в челюсть. Неуловимым движением Лоренцо уклонился, удар прошел по касательной, и Питер по инерции влетел лицом в массивную деревянную дверь. Князь Манчина переместился за спину Дадли, сцепил руки в замок и обрушил тяжелый удар на основание его шеи. Питер со стоном рухнул под ноги старику. Сознание не оставило его... Мысли гвардейского офицера лихорадочно бегали, ища выход, спасение... Он резко вскочил. Князь стоял в пол-оборота к нему... Молниеносный удар в бок пошатнул Лоренцо, но на ногах он устоял. Питер больше не раздумывал ни секунды. Он стремительно кинулся к окну, отдернул массивную портьеру, дневной свет ударил в глаза... Дадли уже занес ногу, чтобы вскочить на подоконник, но тут же получил удар. Стул с тонкими резными ножками разлетелся о крепкую спину гвардейца.

– Вы наивны, сударь... – со вздохом вымолвил князь, отбрасывая в сторону остатки стула, – но и прытки без меры...

Удар был хорош, и теперь Питер, неуклюже растянувшись подле окна, пытался перевернуться и сесть. В это время распахнулись двери. Сначала появились два пистолетных ствола, а потом в комнату широко, по-мужски, шагнула служанка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.